

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ZAGADKI
WZROSTU
GOSPODARCZEGO
Siły napędowe i kryzysy —
analiza porównawcza

Redakcja naukowa

Leszek BALSEROWICZ
Andrzej RZOŃCA

Wydawnictwo C.H. Beck
Warszawa 2010

ЗАГАДКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Движущие силы и кризисы —
сравнительный анализ

Под научной редакцией

Лешека БАЛЬЦЕРОВИЧА

и

Анджея ЖОНЬЦЫ

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 330.35
ББК 65.012.332
Б21

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с польского: *Ю. В. Чайников*
Научный редактор: *А. В. Куряев*

Б21 Загадки экономического роста : Движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Научные редакторы Л. Бальцерович и А. Жоньца; пер. с польского Ю. В. Чайникова под научной редакцией А. В. Куряева. – Москва : Мысль, 2012. 512 с.
ISBN 978-5-244-01156-2

Экономический рост – единственный способ вытащить общество из бедности и повысить уровень жизни. В этой книге читатель найдет множество поражающих воображение примеров быстрого экономического роста или, наоборот, его отсутствия с анализом причин такого развития событий. Авторы сравнивают траектории экономического роста за последние полвека в парах стран, подобранных таким образом, чтобы у них было как можно больше сходства, в том числе и в отношении таких трудноизмеримых факторов, как, например, культура (Австралия и Новая Зеландия, Австрия и Швейцария, Эстония и Словения, Мексика и Испания, Чили и Венесуэла, Гаити и Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико и Коста-Рика, Китай и Индия, Индонезия и Пакистан). Рассмотрены не только развивающиеся страны, но и страны, совершившие за последние двадцать лет переход от централизованного планирования к рыночной экономике, а также индустриально развитые страны.

УДК 330.35
ББК 65.012.332

ISBN 978-83-255-1720-5 (польск.)
ISBN 978-5-244-01156-2 (рус.)

© Wydawnictwo C. H. Beck, 2010
© Мысль, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Глава 1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ЗНАЧЕНИЕ, РАЗЛИЧИЯ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.	
Лешек Бальцерович, Анджей Жоньца	17
1.1. Значение экономического роста	17
1.2. Различия в темпах долгосрочного роста экономики.	19
1.4. Подходы к исследованию экономического роста	23
1.5. Исследовательский метод, примененный в данной книге	48
1.6. Понятийная и аналитическая схема	52
Глава 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ЭКОНОМИКИ	
Лешек Бальцерович, Анджей Жоньца	63
2.1. Вводные замечания.	63
2.2. Рост на основе инноваций и специфические механизмы роста	65
2.3. Детерминанты индивидуального выбора	72
2.4. Институциональные системы решения индивидов	75
2.5. Информационные барьеры на пути экономического роста, основанного на инновациях	82
2.6. Институциональные системы, блокирующие экономический рост	85
2.7. Случаи ускоренного экономического роста	109

2.8. Удачные программы реформ	114
2.9. Резюме	139
Глава 3. Почему Австралия обошла Новую Зеландию?	
Якуб Шелига	145
3.1. Темпы экономического роста	145
3.2. Причины различий в экономических результатах	148
3.3. Итоги и выводы	162
Глава 4. Почему Австрия (чуть не) догнала Швейцарию?	
Марцин Холда	165
4.1. Темпы экономического роста	165
4.2. Причины различий в экономических результатах	172
4.3. Выводы	208
Глава 5. Как возникли различия в экономическом росте между Эстонией и Словенией?	
Павел Цвалина	211
5.1. Темпы экономического роста	211
5.2. Причины различий в экономических результатах	217
5.3. Итоги и выводы	237
Глава 6. Почему Мексика беднее Испании?	
Анна Куровская	241
6.1. Темпы экономического роста	241

6.2. Причины различий в экономических результатах.	244
6.3. Итоги и выводы.	262
ГЛАВА 7. ПОЧЕМУ ВЕНЕСУЭЛА ОСТАНОВИЛАСЬ, В ТО ВРЕМЯ КАК ЧИЛИБЫСТРО РАЗВИВАЛАСЬ? АГНЕСКА ЛЫНЕВСКАЯ.	265
7.1. Темпы экономического роста.	265
7.2. Причины различий в экономических результатах.	269
7.3. Итоги и выводы.	295
ГЛАВА 8. ПОЧЕМУ КОСТА-РИКА ОТСТАЛА ОТ ПУЭРТО-РИКО? КАМИЛЬ ЧОП.	299
8.1. Темпы экономического роста.	299
8.2. Причины различий в экономических результатах.	306
8.3. Итоги и выводы.	335
ГЛАВА 9. ПОЧЕМУ ГАИТИ ТАК ОБЕДНЕЛА, А ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА НЕТ? АЛЕКСАНДР ЛАШЕК.	339
9.1. Темпы экономического роста.	339
9.2. Причины различий в темпах роста.	347
9.3. Выводы.	371
ГЛАВА 10. ПОЧЕМУ КИТАЙ ОБОГНАЛ ИНДИЮ. ПАВЕЛ КОЗУБ.	373
10.1. Темпы экономического роста.	373
10.2. Причины различий в экономических результатах.	379
10.3. Подведение итогов и выводы.	408

Глава 11. Почему Пакистан развивался медленнее, чем Индонезия?	
Филип Берковский	413
11.1. Темпы экономического роста.....	413
11.2. Причины различий в экономических результатах.....	418
11.3. Подведение итогов и выводы.....	441
Глава 12. Выводы. Лешек Бальцерович, Анжей Жоньца	447
Библиография	475
Указатель	507

ВВЕДЕНИЕ

Если приглядеться к экономической реальности, то можно обнаружить массу интересных фактов, которые вызовут много вопросов. Например, почему Австралия в экономическом плане обошла Новую Зеландию, несмотря на то что последнюю считают образцом рыночных реформ? Почему Австрия, в которой существует обширный сектор государственных предприятий, догнала (почти что догнала) Швейцарию, в которой еще в начале 70-х годов доходы на душу населения были наполовину выше, чем в Австрии? Как появился разрыв в темпах экономического роста между Эстонией и Словенией? Какая из этих двух стран добилась более внушительных успехов в системной трансформации? Почему Мексика гораздо беднее Испании, хотя еще в 1960 г. была богаче? Почему Венесуэла, национальный доход которой был выше, чем у Норвегии — другого мощного нефтеэкспортера, — стала беднее Чили? Как получилось, что ее валюту, считавшуюся до 70-х годов одной из самых стабильных в мире, перестали уважать даже венесуэльцы? Почему Чили, в 70–80-е годы столкнувшаяся с острыми кризисами, опередила другие страны Южной Америки по доходам на душу населения? Почему Коста-Рика отстала от Пуэрто-Рико, хотя в 70-е годы последняя вылетела из десятки самых быстроразвивающихся стран в мире и оказалась в хвосте в смысле темпа экономического роста? Чем Пуэрто-Рико напоминает бывшую ГДР? Почему «коммунистический» Китай обогнал «капиталистическую» Индию? Почему, несмотря на это китайское экономическое чудо, разрыв в доходах жителей континентального Китая и Тайваня, составлявший в 1950 г. два раза, увеличился до шести раз? Почему Пакистан развивается медленнее Индонезии, хотя в Индонезии государство постоянно выступало в качестве активного участника экономической жизни, а в 1997–1998 гг. эта страна пережила один из глубочайших кризисов в мировой истории? Почему Доминиканскую Республику, находящуюся на том же самом острове, что и Республика Гаити, посещают в несколько десятков раз больше туристов,

чем Гаити? В какой степени человек виноват в разрушительности ураганов Гаити, так часто навещающих этот регион?

В нашей книге мы пытаемся ответить на эти вопросы. И все они вписываются в более обширную проблему, которой мы также занимаемся: как возникают различия в экономическом росте?

Выяснение причин этих различий является одной из фундаментальных задач, какие только может поставить эмпирически ориентированная экономическая наука. Эта проблема имеет огромное значение не только с точки зрения анализа, но и с точки зрения практики. Экономический рост — единственный способ вытащить общество из бедности и повысить уровень жизни. До тех пор пока растет экономика, могут расти доходы всех членов общества. Например, доходы беднейших 20% населения Южной Кореи, одного из экономических тигров, примерно в четыре раза превышают доходы самых богатых 20% населения всей Кореи довоенного периода и в семь раз превышают среднедушевой доход современной Северной Кореи. В нашей книге читатель найдет множество поражающих воображение примеров быстрого экономического роста или — наоборот — его отсутствия.

В отсутствие экономического роста единственным механизмом, позволяющим богатеть одним, может быть только обнищание других. Только лишь борьба за перераспределение может привести к уменьшению дохода, подлежащего перераспределению. Подумать только, в современном мире существует много стран, где доходы на душу населения сегодня ниже, чем были десяток-другой лет назад! Эта книга дает читателям возможность ближе познакомиться с опытом двух таких стран — Венесуэлы и Гаити. В обеих средние доходы на душу населения сейчас ниже, чем в 1950 г.

Существует богатая литература на тему экономического роста, однако многое еще не сделано. Представители особо влиятельного направления, называемого теорией экономического роста, сосредоточивают внимание на лежащих на поверхности причинах экономического роста, таких как накопление капитала, рост занятости и повышение производительности факторов производства — капитала и труда. По нашему мнению, эта теория не дает убедительного объяс-

нения различий в темпах экономического роста, потому что лежащие на поверхности причины, на которых она сосредоточена, сами требуют объяснения. Из-за этой слабости модели начинает появляться всё больше работ, посвященных рассмотрению более фундаментальных факторов, в силу которых темпы экономического роста так разнятся от страны к стране и во времени; в числе таких факторов — институты и общественно-политические системы. Данная книга — одна из этого потока экономической литературы¹. Впрочем, читатели найдут в ней также отсылки к самым важным работам по теории экономического роста. Собственные исследования экономического роста мы предворяем обзором других работ, посвященных этой важной — как для экономической теории, так и для хозяйственной практики — проблеме.

Этот обзор дает нам право утверждать, что книга, которую мы предлагаем вниманию читателей, принципиально отличается от других работ по проблемам экономического роста. Одни работы чаще всего либо сосредоточиваются на системных силах экономического развития (т.е. действующих долгое время или все время), но опускают падения темпов роста, либо анализируют разные шоки, но не учитывают их связи с проблемой долгосрочного роста. Другие работы обычно посвящены либо поверхностным детерминантам роста, таким как затраты труда и капитала, и изменения производительности факторов производства, либо более глубинным силам, таким как институты. И наконец, исследуется либо большая группа стран, либо исследование сосредоточивается на одной стране.

Наша книга отличается от них в каждом из отмеченных выше отношений.

Во-первых, силы экономического развития и последствия шоков в ней исследуются вместе. Ибо, как выясняется, подверженность шокам имеет существенное значение для средних темпов экономического роста даже в очень долго-

¹ Впрочем, институты начинают все больше учитывать и в моделях роста, но очень упрощенно — чаще всего в качестве одного параметра в одном уравнении, тогда как в действительности они оказывают сложное воздействие на всякий экономический выбор, делаемый предприятием и домохозяйством.

срочном периоде. Во всех парах стран, исследованных в данной книге, худшие результаты показали те страны, в которых имели место более частые и более глубокие спады. Кроме того, из всех рассмотренных стран худшие результаты показали Гаити и Венесуэла, две страны с самыми часто повторяющимися кризисами, а лучшие результаты — Китай и Индия, которых отличала высокая стабильность траекторий роста.

Во-вторых, мы сосредоточиваемся на глубинных причинах экономического роста, в частности на институтах, но везде, где это помогает определить направление поиска институциональных факторов роста, приводится также и статистика экономического роста (позволяющая выявить поверхностные причины). В то же самое время мы показываем читателям такие ситуации, в которых приведение статистики экономического роста не имеет большого смысла.

В-третьих, в нашей книге мы сравниваем специально подобранные пары стран. Такой подход позволяет избежать многих слабостей обоих стандартных методов анализа, кстати, подробно описанных в первой главе.

В книге двенадцать глав.

Первая глава имеет характер введения в тему экономического роста. Мы представляем в ней значение экономического роста для уровня жизни общества. Описываем, как изменяются его темпы в долгосрочной перспективе и как они разнятся между странами. Показываем, какое влияние на темпы экономического роста оказывают шоки. Систематизируем исследования экономического роста. Приближаем к читателям тот исследовательский метод, который применен в данной книге, и вводим использованную в ней понятную и аналитическую схему.

Вторая глава посвящена влиянию институциональных систем на движущие силы экономики. Мы указываем в ней на различие между двумя типами механизмов: первым — потенциально универсальным и устойчивым, опирающимся на инновации, и вторым — имеющим место лишь в отдельных ситуациях, сформированных в рамках определенных институциональных систем или появившихся вследствие искажающей экономической политики, и угасающем через некоторое — иногда довольно продолжительное — время.

Мы вводим понятие институциональных барьеров на пути экономического роста. Даем типологию институциональных систем, неспособных к систематическому длительному развитию. Приводим также примеры, при которых такой рост достигим. Наконец — определяем и анализируем программы реформ, которые делают экономический рост возможным.

В главах 3—11 анализируются периоды возникновения различий в темпах экономического роста и — в результате — в уровне доходов на душу населения между такими парами, как Австралия и Новая Зеландия, Австрия и Швейцария, Эстония и Словения, Мексика и Испания, Чили и Венесуэла, Гаити и Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико и Коста-Рика, Китай и Индия, Индонезия и Пакистан. Большинство стран подобраны так, чтобы у них было — по крайней мере в исходной точке — как можно больше сходства, в том числе и в отношении таких трудноизмеримых факторов, как, например, культура. Такой подбор позволяет устранить фактор различий в институтах в деле экономического роста. В то же время все страны настолько своеобразны, что это позволяет сделать определенные обобщения относительно главных детерминантов долгосрочных темпов роста доходов на душу населения.

В главе 12 подводятся итоги. Мы представляем в ней главные результаты сравнительных исследований и делаем выводы из всего корпуса проведенных исследований. Основные выводы можно свести к девяти пунктам.

1. Проведенные эмпирические исследования отмечают большое влияние шоков на экономические результаты практически во всех обследованных странах.
2. Несмотря на то что экономические шоки имели место в большинстве обследованных стран, везде они реализовывались с разной силой и частотой.
3. Шоки не являются ни исключительно, ни даже главным образом результатом невезения. Почти всегда они либо вызваны, либо усугублены национальной экономической политикой.
4. Экономисты все еще мало знают, почему слабые институты, отвечающие за стабильность экономики, не

усиливаются, несмотря на то что их слабость дорого обходится обществу. И что хуже всего, также ограничено наше знание о том, какая форма этих институтов самым эффективным образом уменьшила бы как частоту, так и силу шоков.

5. Страны существенно различаются не только в отношении шоков и — как следствие — институтов, отвечающих за стабильность экономики, но и в отношении институтов, придающих динамику экономическому развитию, и направлений их эволюции. В исследованных странах только часть изменений институтов способствовала их усилению, многие же изменения вели к ослаблению институтов.
6. Факт наличия и усиления шоков не умаляет значения институтов, способствующих ускорению темпов экономического роста. Различия в состоянии этих институтов или в масштабе произошедших в них изменений объясняют значительную часть (а порой и полностью) увеличившиеся (или сократившиеся) различия в доходах на душу населения между парами стран, проанализированными в нашем исследовании.
7. Основными институтами, способствующими ускорению экономического развития, т.е. такими, различия в которых или изменчивость которых оказывают сильное влияние на темпы экономического роста в долгосрочной перспективе, являются следующие:
 - структура собственности в экономике, а конкретнее — участие государства в собственности предприятий;
 - структура прав собственности, в особенности — степень свободы частного предпринимательства;
 - уровень защиты прав частной собственности (и лиц), в том числе коррупция, которую можно рассматривать как фактор, ограничивающий эти права;
 - интенсивность конкуренции между поставщиками, сильно зависящая от открытости экономики для внешней торговли и прямых иностранных инвестиций;

- фискальная нагрузка на экономику, рост которой обусловлен главным образом увеличением доли социальных расходов в ВВП.
8. Существуют такие состояния ключевых институтов ускорения экономического развития, которые обрекают данную страну на медленный рост (или даже стагнацию, а то и вовсе падение ВВП), независимо от состояния других институтов.
 9. Особенно высокие темпы экономического роста имеют место в тех странах, которые, унаследовав институциональную систему, сильно деформирующую экономику, быстро устраняют деформации и одновременно реализуют настолько объемную программу реформ, что в действие приводится также базовый механизм роста, т.е. рост на основе инноваций.

Мы хотим, чтобы подготовленная нами книга попала в руки широкого круга читателей — преподавателей и студентов-экономистов, как тех, кто отвечает за проведение экономической политики, так и тех, на кого эта политика направлена, т.е. на широкие слои общества. Надеемся, что каждой из этих групп она поможет в понимании причин экономического роста.

Благодарим профессора Станислава Гомулку за сделанные многочисленные ценные замечания по тексту, а также Александра Лашека за помощь в редакционной работе над книгой. Разумеется, что за все недочеты или ошибки, которые могут содержаться в книге, мы несем полную ответственность.

Лешек Бальцерович, Анджей Жоньца

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ЗНАЧЕНИЕ, РАЗЛИЧИЯ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛЕШЕК БАЛЬЦЕРОВИЧ, АНДЖЕЙ ЖОНЫЦА

1.1. Значение экономического роста

Темпы долгосрочного экономического роста имеют фундаментальное значение для уровня жизни общества. Это незаменимый механизм выведения людей из бедности. В Юго-Восточной Азии, самом быстроразвивающемся регионе мира, только за последние годы, т.е. с 2000 г., число людей, вынужденных выживать на менее чем 2 долл. в день, сократилось на 2 млрд человек, т.е. уменьшалось примерно на 1 млн человек в неделю [Gill, Nagas, 2007]. Повсюду в мире доходы самой бедной части населения следуют в фарватере растущих средних доходов в экономике (см., например, Dollar, Kraay [2001])¹.

Более высокий уровень доходов – результат экономического роста – позволяет людям полнее удовлетворять свои материальные потребности. Различиям в уровне доходов на душу населения между разными странами соответствуют различия в уровне потребления (см, например, Acemoglu [2009], с. 7). Кроме того, по мере роста доходов люди могут вести более здоровый образ жизни (в частности, лучше питаться) и иметь более широкий доступ к услугам здравоохранения. Тесно коррелирует с уровнем душевых доходов и ожидаемая продолжительность жизни (см., например, Weil [2005], с. 156–157)².

¹ Кроме того, экономический рост, разбивая старые структуры, приводит к тому, что представители низкодоходных категорий в один период могут переместиться в высшие категории в последующие периоды. Это может касаться также их детей. Масштабы этого процесса зависят от социальной мобильности, которая, в свою очередь, положительно влияет на темпы экономического роста (см. главу 2).

² Впрочем, некоторые экономисты утверждают, что более плохое здоровье населения в бедных обществах, чем в богатых, скорее причина, а не следствие их бедности (см., например, McArthur, Sachs [2001]).

Выведение людей из бедности с помощью экономического роста не означает, что этот рост всегда сокращает неравенство в распределении доходов. Так, например, в упоминавшейся Юго-Восточной Азии этот показатель вырос за прошлое десятилетие – главным образом из-за Китая – почти на четверть [Gill, Nagar, 2007]. Если неравенство доходов растет вместе с экономическим ростом, то это происходит не потому, что последний загоняет часть общества в бедность, а потому, что не вытаскивает из бедности всех одновременно. Поначалу лишь малая часть общества инвестирует в современные сектора и находит в них занятость. Эти сектора развиваются главным образом в городах, поскольку в местах высокой концентрации населения легче наладить сотрудничество, позволяющее получить преимущества как от специализации, так и от масштабов деятельности. Со временем, когда больше людей переселятся из деревни в город, а в городах больше людей найдут работу в современных секторах, неравенство часто начинает сокращаться (см., например, Kuznets [1955])¹. В итоге разброс в доходах в отдельных странах в настоящее время меньше, чем перед началом современного экономического роста, т.е. роста, дающего возможность существенно улучшить условия жизни в течение жизни одного поколения (см., например, Weil [2005], p. 19)².

¹ Противоречить этому наблюдению может рост неравенства доходов в наиболее развитых странах, наблюдаемый с 70-х годов XX в. (См., например, Bourguignon, Morrison [1992]; цит. по: Aghion, Howitt [1997].) Этот рост неравенства можно, однако, объяснить с помощью той же логики, т.е. ссылаясь на рост производительности, имеющий место поначалу в небольшом количестве секторов, а далее распространяющийся на все новые и новые сектора.

² При этом следует помнить, что какое-то неравенство доходов в любом случае неизбежно, без него был бы невозможен быстрый экономический рост, без которого, в свою очередь, всем пришлось бы поровну делить бедность. Если бы все люди получали одинаковые доходы безотносительно к их вкладу в общее производство, у них не было бы стимулов. Величина совокупного дохода в экономике зависит от тех усилий, которые люди вкладывают в его создание. Впрочем, само усилие – величина невидимая, а стало быть – трудноподдающаяся непосредственному контролю (см., например, Mirrlees [1971]).

Даже если в течение какого-то неравенство доходов времени увеличивается, следует помнить, что в долгосрочной перспективе лучше иметь меньшую долю в доходе, который быстро растет, чем большую долю в доходе, который растет медленно (или, что еще хуже, сокращается). Например, в Южной Корее беднейшая квинтиль населения получает чуть ли не вчетверо более высокие доходы, чем получала самая зажиточная квинтиль в единой довоенной Корее. Доходы этих беднейших 20% южнокорейского населения в семь раз выше тех доходов, что получает средний житель Северной Кореи, где в силу идеологических установок преобладает враждебное отношение к обогащению.

1.2. Различия в темпах долгосрочного роста экономики

Беглый взгляд на экономическую историю мира показывает, что темпы долгосрочного экономического роста, а соответственно и средний уровень жизни обществ, демонстрирует огромные различия во времени и пространстве. До 1000 г. темпы экономического роста находились в районе 0%. Различия в уровне доходов на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными регионами мира не превышали 10%. В 1000–1820 гг. темпы роста доходов на душу населения в мире составляли в среднем около 0,05% в год, колеблясь от 0% в бедных регионах Африки до 0,14% в наиболее зажиточных регионах Западной Европы. На пороге Промышленной революции доходы на душу населения в наиболее богатых регионах мира были в три раза выше, чем в наиболее бедных регионах (Galor [2005], с. 174 и 180 на основе данных из: Maddison [2001]). В 1820–1870 гг. темпы роста доходов на душу населения составляли в среднем 0,5% в год. В 1870–1950 гг. – в среднем 1,1% в год, а после 1950 г. превысили 2% в мировом масштабе (Weil [2005], с. 16 на основе данных из: Maddison [2001]).

Современный экономический рост – предмет нашего изучения – начался не везде одновременно. Сначала он проявился в Великобритании. Некоторые экономисты относят его начало к XVIII в. В XIX в. он распространился на другие

страны Западной Европы, а также на Австралию, Канаду, Новую Зеландию и США. В Латинской Америке он начался в начале XX в., а в Азии около 1950 г. (за исключением Японии, в которой он начался в конце XIX в.) [Parente, Prescott, 2005, с. 1373]. Разное для каждой страны по времени вступление на путь современного развития получило отражение в разных уровнях подушевого дохода. Так, в 2006 г. доходы на душу населения в 20 наиболее богатых странах в среднем в 57 раз превышали аналогичный показатель для наиболее бедных стран [IMF, 2009].

Темпы современного экономического роста не везде были одинаковыми. Великобритании потребовалось 100 лет, чтобы удвоить доходы на душу населения. В XX в. странам Запада для этого было достаточно 35 лет, причем во второй половине столетия этот период сократился еще больше. После 1950 г. в таких странах Азии, как Сингапур, Гонконг, Тайвань или Южная Корея, на удвоение подушевого дохода понадобилось менее 10 лет [Parente, Prescott, 2005, с. 1373]. В этой книге приведены и другие примеры быстрого экономического роста — в частности, примеры Китая, Индии и Чили с 80-х годов, а также Эстонии с середины 90-х годов до начала последнего мирового финансового кризиса.

Однако в случае многих стран более поздний выход на путь современного экономического развития не стал залогом более быстрого темпа роста подушевых доходов по сравнению с лидерами. Это относится, в частности, к странам Центральной и Восточной Европы и Латинской Америки, впрочем не только к ним. Мы посвящаем им много места в нашей книге. В странах Центральной и Восточной Европы доходы на душу населения в 1950—1990 гг. упали приблизительно с половины до одной трети подушевых доходов в Западной Европе. В странах Латинской Америки гонка за богатыми странами под конец первой половины XX в. также была прервана. В течение последующих 50 лет в этих странах доходы на душу населения относительно доходов на душу населения в странах Запада сократились почти наполовину, приблизительно до такого же самого уровня, как и в момент начала современного экономического развития в этом регионе [Maddison, 2001].

Несмотря на то что все время во многих странах темпы экономического роста были низкими, сокращалось количество тех, кому удавалось ускорить его, хотя в то же самое время все больше стран оказывалось в состоянии поддерживать высокую динамику экономического роста. На стабилизацию состава групп стран как быстроразвивающихся, так и находящихся в состоянии стагнации может указывать растущая (хоть и продолжающая оставаться низкой, см. параграф 1.3) корреляция показателей доходов на душу населения одного десятилетия с последующим [Durlauf, Johnson, Tempie, 2005, с. 568–571].

1.3. Шоки и периоды относительно стабильной экономической динамики

Глядя на долгосрочные траектории экономического развития разных стран, можно выделить как короткие периоды, на которых четко видны сбои в росте, а порой и глубокие падения ВВП, так и, как правило, более длительные периоды стабильной экономической динамики, которые тем не менее различаются темпами изменения ВВП: от медленного сокращения, через стагнацию, к быстрому росту. В общем, в большинстве случаев темпы роста в прошлом (например, в нынешнем десятилетии, пятнадцатилетии, но также и пятидесятилетии) очень мало помогает предвидеть его будущий уровень (см., например, Easterly, Kremer, Pritchett, Summers [1993]; Easterly, Levine [2001]; Easterly [2002]; Durlauf, Johnson, Tempie [2005]). Часто быстрый экономический рост в данный период предвещает падение в следующем периоде. Кроме того, колебания траекторий роста сильно различаются между странами [Easterly, Levine, 2001]. Некоторые страны растут ровным темпом, в каждой стране своим, порой сильно отличающемся одну страну от другой, другие же испытывают частые и глубокие шоки на пути роста.

Внезапные замедления, даже если их сменяет быстрое возвращение к росту, могут снижать средние долгосрочные темпы роста по сравнению с более стабильными траекториями роста. Недавние исследования показали, что в группе стран с низким уровнем доходов, которые в 1990-е годы

развивались самыми высокими темпами, 18 стран отличались небольшими колебаниями темпов роста [World Bank, 2005]. В другой работе Гнатковска и Лойаза (Hnatkovska, Loyaza [2003]) на основе анализа 79 стран за 1960–2000 гг. пришли к выводу, что «изменчивость и рост в долгосрочной перспективе связаны отрицательно» и что эта обратная зависимость — результат не мелких циклических колебаний, а «сильных падений производства ниже тренда». Такие падения особенно часто случались в Африке, отражением чего было самое большое, по сравнению с другими регионами, стандартное отклонение темпов роста ВВП в расчете на одного занятого в 1960–2000 гг. В результате таких спадов экономический рост на этом континенте имел эпизодический характер [Fosu, 2007]. Также во всех парах стран, подвергнутых рассмотрению в этой книге, худшие результаты демонстрировали те страны, в которых имели место более сильные или более частые спады (см., например, главы, в которых сравниваются экономические результаты Новой Зеландии и Австралии, Швейцарии и Австрии, Мексики и Испании). Среди всех исследованных стран самые плохие результаты показали Гаити и Венесуэла — две страны, в которых кризисы случались чаще остальных и были более глубокими. В свою очередь, Китай и Индия — две страны, развивавшиеся быстрее остальных, отличались стабильностью.

Различия в частоте и глубине спадов отчасти являются результатом различий во внешних шоках, испытываемых отдельными странами. Но многие шоки имеют местные, отечественные источники, и речь здесь идет не о циклично повторяющемся изменении экономической активности, а о состоянии более глубокого отсутствия равновесия, неизбежное возвращение к которому через рыночный механизм может привести к изменениям в долгосрочных темпах экономического роста. Кроме того, страны различаются способностями справляться с шоками. Эти различия отвечают не только за глубину спада, когда уже до него доходит дело, но часто и за сам факт спада. Во многих странах спадам предшествовали положительные внешние шоки, т.е. встряски, ускоряющие экономическую динамику в краткосрочной перспективе, на которые страны не сумели соответствующим

образом, адекватно отреагировать, предположив, что ускорение будет длительным (см., например, главы о Коста-Рике, Венесуэле или Мексике). Наконец, сама подверженность внешним шокам, берущая начало, например, в структуре экономики, является важной переменной, у которой могут быть местные корни (здесь стоит обратить внимание на главы об Индонезии, Мексике, Венесуэле и сравнить опыт этих стран с опытом, скажем, Австралии, который тоже нашел отражение в этой книге).

В то же время за периоды стабильной экономической динамики, темпы которой также сильно различаются между разными странами, отвечают другие силы. Эти силы действуют длительное время, а то и непрерывно, так что их можно назвать системными силами экономического роста. Об их природе и обусловленности пойдет речь во второй главе. А сейчас мы вкратце представим преобладающие в экономической литературе подходы к исследованию экономического роста. Это позволит лучше определить метод исследования, а также понятийную и аналитическую схему, использованную в нашей книге.

1.4. Подходы к исследованию экономического роста

Причины экономического роста – главный предмет исследования в экономической науке с самого начала ее существования. Датированное 1776 годом, сочинение отца современной экономической науки Адама Смита был озаглавлен как «Исследование о природе и причинах богатств народов». С того времени, хотя и были периоды, когда интерес экономистов проблемами экономического роста падал, он принадлежал к числу тех исследовательских проблем, которым в итоге посвящено больше всего места (за последние 20 лет больше научных статей написано только об инфляции, см., например, Weil [2005]).

Несмотря на то что со времени статьи Нельсона и Плосера 1982 г. (Nelson and Plosser [1982]) все более распространенным становится взгляд, что шоки могут иметь долгосрочные последствия для экономического роста [Fatas, 2002,

р. 192], литература на тему экономического роста определенно концентрируется вокруг исследований системных сил экономического роста и мало внимания уделяет шокам. Очень редко задаются вопросом, почему спады (по крайней мере некоторые) имеют долгосрочные последствия, почему вместо созидательного разрушения часто наступает уничтожающее разрушение¹. С этой исследовательской проблемой связаны другие, более конкретные вопросы: всегда ли спад с длительными негативными последствиями уничтожающий или же он всего лишь приводит в действие (а если приводит, то как часто) те механизмы, которые уже давно существовали в данной экономике; существует ли верхняя граница краткосрочных темпов роста экономики, даже после глубокого спада, граница, не позволяющая производству преодолеть последствия этого спада; и наконец, зависят ли возможности роста от времени, т.е. может ли страна, пережившая спад, потерять по ходу дела некоторые из возможностей роста? Ни на один из этих вопросов литература, посвященная экономическому росту, пока не дала убедительного ответа.

Исследованием экономических спадов, в том числе и финансовых кризисов, занимается специальное направление экономической науки. Со времен Кейнса оно концентрировалось на анализе способности к сохранению экономикой состояния равновесия в условиях одной институциональной системы – рыночного капитализма. Много усилий было приложено для того, чтобы показать, что в данном отношении эта система имеет серьезные недостатки, а также для опровержения утверждений о таких недостатках. Но при этом мало внимания было уделено вопросу нестабильности в условиях разных институциональных систем, хотя нет особых сомнений по поводу того, что самые глубокие падения темпов экономического роста происходили в некапиталистических странах и в тех странах, где свобода рынка была сильно ограничена.

¹ Например, среди 28 глав в работе под редакцией Агиона и Дюрлауфа (Aghion, Durlauf [2005], содержащей обзор важнейших направлений исследований экономического роста, в сущности, только одна касается влияния шоков на рост.

В нашей книге на конкретном страновом материале предпринята попытка комплексного анализа воздействия, оказываемого на долгосрочные темпы экономического роста как системными силами экономического развития, так и шоками.

Проводившиеся до сих пор исследования экономического роста, которые, как мы уже отметили, сосредоточены на системных силах развития, различаются в плане факторов, признаваемых в качестве этих сил, а также — что с этим частично связано — в отношении применяемых методов.

Особо влиятельное и активное направление исследований в литературе обычно называют теорией экономического роста. Оно пытается выяснить разницу в темпах экономического роста путем обращения к трем факторам: затратам труда и капитала¹, а также их совокупной производительности. Это всё количественные факторы, и поэтому в описываемом подходе можно — и так обычно и делается — применять математические и эконометрические методы.

Фундамент теории роста заложили работы Солоу (Solow [1956]) и Свана (Swan [1956]). Они изменили стиль мышления об экономическом росте у экономистов, ориентированных на количественные методы. Из более ранней, основанной на работах Харрода (Harrod [1939] и [1948]) и Домара (Domar [1946] и [1947]), модели, которая до работ Солоу и Свана определяла стиль мышления экономистов, следовало, во-первых, что экономики высокоразвитых стран должны иметь длительные периоды или растущей безработицы или сокращения использования капитала. Предсказание обоих явлений было следствием допущения невозможности замены дефицитного фактора производства фактором производства, находящимся в избытке. Согласно этой модели количество

¹ В некоторых моделях экономического роста капитал понимается узко — как машины, производственные здания и т.п., т.е. созданные человеком товары, используемые для производства других товаров. В других моделях это понятие определяется гораздо шире и охватывает наряду с физическим капиталом человеческий капитал, т.е. знания и умения работников, используемые ими для производства товаров, а также состояние их здоровья, отсутствия напряженности и т.п., т.е. всё то, что не носит физического характера, а наличествует в работниках и позволяет повышать производительность труда.

капитала и количество эффективного труда, т.е. с учетом роста его производительности, должны применяться в производственном процессе в неизменной (исходной) пропорции; в той части, в какой затраты определенного фактора производства превышали величину, определенную этой пропорцией, они становились абсолютно бесполезными. Государство могло предотвратить как рост безработицы, так и сокращение использования капитала, в первом случае повышая, а во втором сокращая уровень инвестиций в такой степени, чтобы темпы роста затрат капитала точно соответствовал динамике затрат труда и производительности труда. Во-вторых, из этой модели следовало, что слаборазвитые страны с высокой долей рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, характеризующейся низкой производительностью труда, могут быстро присоединиться к высокоразвитым странам, если предпримут форсированную индустриализацию; перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность должно было позволить этим странам в полной мере использовать капитал при произвольно большом масштабе инвестиций. Модель Солоу—Свана поставила под сомнение оба вывода модели Харрода—Домара (см. Solow [1994]). Во-первых, в этой модели благодаря допущению о взаимозаменяемости затрат капитала и труда капиталоемкость производства стала переменной. Отношение производства к капиталу перестало быть параметром. Динамика затрат капитала, независимо от уровня инвестиций, автоматически приспособлялась к динамике затрат труда и производительности последнего, снимая необходимость вмешательства государства в дело согласования друг с другом этих видов динамики, являющихся условием полного использования факторов производства. Во-вторых, эта модель показала, что в долгосрочном периоде темпы экономического роста определяются не затратами капитала, которые характеризуются уменьшающейся предельной производительностью (т.е. по мере их роста темпы роста производства падают)¹, а силами, влияющими на произво-

¹ Интуитивно убывающую предельную производительность капитала можно объяснить следующим образом. Например, если вооружить землекопа лопатой, то длина траншеи, которую он будет в состоянии выкопать, резко вырастет по сравнению с той траншеей, которую он будет в состоя-

дительность факторов производства. Отсюда можно сделать вывод, что рецепт развития — не в форсировании инвестиций, а в заботе об их эффективности и внедрении инноваций. Предложенные Солоу (Solow [1957]) и рассчитанные им для США для 1909–1949 гг. показатели темпов экономического роста, раскладывающие темпы роста на части, относящиеся соответственно к затратам факторов производства и росту их производительности, подтвердили гипотезу о том, что рост производительности факторов производства (факторная производительность) является основным источником экономического роста, даже если не учитывать тот факт, что значительная часть роста затрат (а в случае сбалансированного роста все затраты — в свете моделей этой группы) капитала на одного занятого приносится ростом его производительности, который повышает прибыльность инвестиций¹. Сама статистика темпов роста оказалась полезным инструментом в эмпирических исследованиях экономического роста². Поль-

нии выкопать голыми руками. Если дать ему еще одну лопату, то длина траншеи снова вырастет, потому что землекоп мог бы воспользоваться новой лопатой, когда старая затупится. Но прирост длины будет уже значительно меньше. Если дать землекопу десятую или сотую лопату, то длина выкопанной траншеи не увеличится (и даже может уменьшиться, если возложить на землекопа обязанность сторожить выданный ему инструмент).

¹ Согласно Солоу, в 1909–1949 гг. в США рост производительности факторов производства отвечал за 87,5% роста выпуска на единицу труда, а увеличение затрат капитала на единицу труда — за 12,5% роста выпуска. Совершенствование методов измерения затрат факторов производства значительно уменьшило вклад увеличения их производительности в экономический рост, но только в той части, в какой увеличение производительности не зависит от затрат этих факторов (см., например, статью Jorgenson, Griliches [1967], согласно которой увеличение производительности объясняет только 3,3% роста выпуска в США в 1945–1965 гг.). Если же рассматривать в целом рост факторной производительности без уточнения того, был ли он независим от затрат факторов производства и требовал ли он таких затрат, то утверждение о его ключевом значении для экономического роста остается в силе. При этом стоит сказать, что сам Солоу (Solow [1957, с. 316]) заметил, что «большая часть инноваций, если не все они, должна быть воплощены в новых фабриках и машинах, чтобы вообще могли быть реализованы».

² Например, часть работы под редакцией Агиона и Дурлауфа (Aghion, Durlauf [2005]), затрагивающая эмпирические исследования экономического роста, посвящает исчислению темпов экономического роста больше места, чем эконометрическим исследованиям, в которых учитывается

зуемся этой статистикой и мы в этой книге, но лишь при первоначальном выяснении причин экономического роста и с учетом ее ограничений (см. параграф 1.4).

В модели Солоу—Свана, а также в последующих поколениях неоклассических моделей роста упор делается на значении роста производительности для роста экономики, но при этом не уточняется, что стало причиной роста производительности. В них считается, что факторы производства используются абсолютно эффективно, а технический прогресс не зависит ни от одной из величин, предусмотренных в модели.

А значит, эти модели не объясняют силы, которые определяют рост экономики в долгосрочной перспективе. Поэтому и экономическая политика не имеет в них большого значения¹. В свете этих моделей задачей экономической политики должно быть обеспечение как можно более высокого уровня сбережений² и высокого образовательного уровня общества (см., например, Mankiw, Romer, Weil [1992]). Одна

больше переменных, объясняющих экономический рост, чем в расчете темпов роста, а стоящие при них параметры не заданы, а берутся из расчетов, призванных обеспечить минимальную разницу между результатами, выдаваемыми моделью, и фактическими темпами роста. По крайней мере частично это следствие концентрации внимания теории экономического роста, которой посвящена работа под редакцией Агиона и Дурлауфа, на поверхностных детерминантах экономического роста вместо сосредоточения на глубинных его причинах — см. продолжение настоящего параграфа.

¹ Кроме того, экономическая политика трактуется в них довольно упрощенно. Чаще всего она сводится к выбору вида налога или государственных расходов на какую-то определенную цель.

² Уровень сбережений не должен, однако, быть «слишком высоким», т.е. выливаться в столь большие инвестиции, что их предельной производительности не хватало бы на покрытие издержек найма капитала и его амортизации; в такой ситуации повышение уровня дохода в результате инвестиций понижало бы уровень потребления. Неоклассические модели роста различаются по выводам относительно вероятности возникновения в экономике свободного рынка этой так называемой динамической неэффективности (см., с одной стороны, модель Даймонда (Dimond [1965]), в которой она возможна, а с другой стороны, модель Рамсея—Касса—Коопманса (Ramsay [1928], Cass [1965], Коортманс [1965]), которая такую возможность исключает). Эмпирические исследования показывают, что сбережения в рыночной экономике на уровне, вызывающем динамическую неэффективность, скорее всего лишь теоретический курьез (см., например, Abel et al. [1989] или Romer [2000, с. 106], который резюмирует результаты первой работы).

ко чаще всего в них не указывалось, как можно достичь этих целей, и в то же время из них следовало, что как достижение, так и неудача в достижении этих целей оказывает лишь преходящее и медленно проявляющееся воздействие на темпы экономического роста. Как преходящий характер, так и медленное проявление этого влияния, следовали в этих моделях из одного и того же факта: экономическая политика могла в них влиять только на затраты капитала (физического и человеческого), заданный рост которых при данном техническом уровне ведет ко все меньшему приросту выпуска, накопление же требует времени, в то время, как рост производительности факторов производства (а лишь он мог бесконечно подталкивать рост экономики и претерпевать большие изменения в краткосрочной перспективе) был в них зафиксирован, а стало быть, оставался вне сферы воздействия экономической политики.

Эти модели предполагали также условную конвергенцию, т.е. более быстрый экономический рост стран с низкими доходами на душу населения по сравнению с более развитыми странами, при условии что обе группы стран не отличаются ничем, кроме уровня доходов и капитала на душу населения. Споры вокруг проблемы конвергенции в высокоразвитых странах (см., например, Baumol [1986]; De Long [1988]; Baumol, Wolff [1988]) дали толчок сбору сравнительных данных по темпам роста, рассчитываемых по методике статистики национальных счетов для широкой группы стран и длительного периода. Усилия, вложенные в создание таких временных рядов, в частности Саммерсом и Хестоном (Summers, Heston [1991]), сделали возможным развитие эмпирических исследований экономического роста. В нашей книге приводятся данные, собранные и этими авторами.

В качестве механизма конвергенции неоклассические модели показывали более высокую предельную производительность капитала в более бедных странах, связывая ее с тем фактом, что капитала в них меньше (и поэтому он может занять большее количество работников). Предполагая мгновенное применение новейшей технологии во всем мире, а следовательно, и в самых бедных странах, эти модели убрали из поля зрения различия в уровне технологии между богатыми

и бедными странами, а в результате и значение сокращения этих различий через передачу технологии. Тем временем различия в открытости к импорту технологии и способности ее использовать являются важнейшим фактором, дифференцирующим экономический рост в бедных странах (см., например, Gomiłka [2008]). Следствием допущения об использовании идентичной технологии всеми странами стали также различия в предельной производительности капитала между странами с высоким и низким доходом на душу населения, сильно отличающиеся от имеющих место в действительности¹. При тех значительных различиях, какие демонстрировали эти модели, мы должны были бы наблюдать массовый переток капитала (как физического, так и человеческого) из богатых стран в бедные, в то время как на самом деле он ограничен, да и происходит в противоположном направлении. Некорректность предположения о том, что все страны используют одну и ту же технологию, была доказана также калибровкой неоклассических моделей роста на данных по многим странам. Она показала, что различия в уровне доходов на душу населения главным образом проистекают из различий в применяемой технологии, а не в затратах производственных факторов (см., например, Hall, Jones [1993])².

Несоответствие как части исходных положений, так и выводов неоклассических моделей с хорошо документированными фактами стало поводом для появления теории эндогенно-

¹ Из модели Солоу следует, что при доле вознаграждения капитала в выпуске на уровне 40% предельная производительность капитала в Индии, где доходы на душу населения в 15 раз ниже, чем в США, должна быть в 58 раз выше, чем в США [Lucas, 1990]. Оценки реального масштаба различий в производительности капитала между странами можно найти, в частности, в Caselli, Feyrer [2007].

² Неоклассические модели, способность которых отражать имеющиеся в экономике зависимости первоначально проверялась главным образом на данных США, стали также причиной акцента в литературе по экономическому росту прежде всего на его системных силах при одновременном игнорировании значения шоков для роста. А все потому, что США характеризуются исключительной долгосрочной стабильностью темпов экономического роста (см., например, Jones [1995]). Несмотря на отмеченные выше слабости, это не стало поводом для развития теории эндогенного роста.

го¹ роста [Romer, 1994]. С ее появлением интерес экономистов к проблеме экономического роста оживился. В рамках этой теории рост производительности факторов производства – источник долгосрочного экономического роста – не предполагается в качестве исходного условия, а является предметом моделирования. Первые модели этого типа появились уже в 60–70-е годы (см. такие работы, как, например, Arrow [1962]; Frankel [1962]; Uzawa [1964, 1965]; Nelson, Phelps [1966]; Phelps [1966]; Nordhaus [1969]; Gomulka [1970]; Nelson, Winter [1982]). Но по-настоящему сильный импульс для их построения появился позже. Его дали следующие работы: Romer [1986], Lukas [1988], Romer [1987 и 1990], Grosman, Helpman [1991] и Aghion, Howitt [1992]². Рост факторной производительности в этих моделях представлен либо как побочный продукт производственной деятельности (приобретения знания через практику) или накопления человеческого капитала, либо как результат целенаправленной исследовательской деятельности, ориентированной на прибыль. Эта деятельность может увеличивать разнородность промежуточного продукта, нивелируя тем самым величину убывающей предельной производительности какого-то одного из факторов производства. Она может также расширять выбор конечных благ, увеличивая полезность их потребления домашними хозяйствами. Может, наконец, вводить новые, более производительные поколения промежуточных благ, которые позволят произвести конечный продукт с более низкими издержками, чем те, с которыми были произведены прежние поколения этих благ (и вытесняют более ранние поколения этих благ с рынка). Рост факторной

¹ Термин «эндогенный рост», использованный в названии этой теории, должен подчеркивать, что экономический рост в ней объясняется в рамках модели, и делать более рельефным принципиальное отличие от неоклассических моделей, определяемых как модели экзогенного роста, где он является результатом действия внешних сил по отношению к модели, о которых в модели ничего не говорится. В действительности и в той и в другой категории моделей ненулевой рост в долгосрочном периоде является следствием – в том, что касается математической записи, – одного и того же допущения (см. ниже в настоящем параграфе).

² Впрочем, следует отметить, что многие выводы из этих моделей не находят подтверждения в эмпирических данных (см., например, Jones [1995] или [2005]).

производительности, зависящий от рентабельности производственной деятельности, накопления человеческого капитала или целенаправленной исследовательской деятельности проблематики развития, становится – независимо от его источника, принятого в моделировании, – восприимчивым к воздействию экономических стимулов. Этот тезис подтверждается многими более ранними эмпирическими исследованиями технического прогресса (см., например, Schmookler [1966]).

Отмечаемая восприимчивость экономической деятельности к стимулам придает экономической политике в моделях эндогенного роста гораздо большее значение, чем ей отводится в неоклассических моделях. Экономическая политика может влиять уже не только на уровень доходов на душу населения в долгосрочном периоде, но и на темпы его роста (см., например, Tempie [2003] или Easterly [2005])¹. Бóльшее количество каналов воздействия экономической политики на экономический рост в моделях эндогенного роста, чем в неоклассических моделях, позволяет одновременно расширить анализ результатов этой политики, а не ограничиваться анализом ее влияния на уровень сбережений или норму накопления человеческого капитала² (см., например, Shaw

¹ Из этих соображений, приняв во внимание гораздо бóльшие различия в темпах экономического роста в бедных странах, чем в странах высокоразвитых (см., например, Gomułka [2008]), модели эндогенного роста представляются потенциально более полезными для исследования экономического роста в первой группе стран, а модели неоклассические – во второй. В действительности и модели эндогенного роста, и неоклассические модели чаще всего используются для исследования роста в странах высокоразвитых, чем в бедных.

² Тем не менее моделирование экономической политики принципиально не изменяется в моделях эндогенного роста по сравнению с неоклассическими моделями. Ее по-прежнему продолжают отождествлять чаще всего с выбранным видом налога или государственных расходов на определенную цель. Увеличивается только количество потенциальных форм налогообложения и направлений расходования бюджетных средств. Кроме того, несмотря на то что ее выводы менее тривиальны, чем у неоклассических моделей (увеличение государственных расходов на те виды деятельности, от которых зависит экономический рост, вовсе необязательно будет лучшей политикой, см., например, Sala-i-Martin [2002]), они менее стройны и могут значительно различаться в зависимости от вида модели эндогенного роста, оправдывая как широкое государственное вмешательство, так и его отсутствие.

[1992]; Sala-i-Martin [2002]). В общем, возможности аналитического использования модели новой теории роста имеют значительно более широкий диапазон, чем неоклассические модели¹. Например, введение внешних эффектов дает потенциальные объяснения направлений перетока капитала между странами и его причин – различий в величине процентных ставок (см., например, Lucas [1990]). Если новые технологии освоены только в отдельных странах, а в результате в них принимаются во внимание исключительно условия, именно там имеющие место (например, изобилие капитала), то могут появиться различия в эффективности использования одной и той же технологии отдельными странами (см., например, Basu, Weil [1998]). Значение приобретают специализация и ее направление (см., например, Young [1991]). Охват анализом более чем одного сектора позволяет проследить структурные изменения в экономике, порождаемые как изменениями в структуре спроса, сопровождающими рост душевых доходов (см., например, Kongsamut, Rebelo, Xie [2001] или Matsuyama [2002]), так и различиями в темпах роста производительности в разных секторах экономики (см., например, Acemoglu, Guerrieri [2008]). Предположение о возможности роста отдачи от масштаба в некоторых видах деятельности облегчает объяснение положительного влияния развития финансового сектора на экономический рост (см., например, Acemoglu, Zilibotti [1997]). Его следствием может быть также ловушка бедности, т.е. самоусиливающийся механизм, делающий невозможным для данной страны использование современной технологии, а в итоге погружающий его в стагнацию при низком уровне доходов (см., например, Durlauf [1993]). Выход за рамки допущения о совершенной конкуренции, являющийся условием рента-

¹ В качестве синонима выражения «теория эндогенного роста» иногда используется термин «новая теория роста». Мы употребили его здесь потому, что не во всех упоминаемых ниже работах, для того чтобы прийти к полученным в них результатам, рост производительности факторов производства имеет (или должен иметь) эндогенный характер. Но во всех в них отброшена по крайней мере одна из характерных для неоклассической теории роста предпосылок (об отсутствии внешних воздействий, об отсутствии различий в эффективности использования технологии, о постоянной отдаче от масштаба, о совершенной конкуренции и т.п.)

бельности исследовательской деятельности при предположении, что ее результат, т.е. знание о том, как производить эффективней, имеет неконкурентный характер, позволяет проанализировать¹ значение уровня конкурентной борьбы для экономической динамики (см., например, Aghion, Bloom, Blundell, Griffith, Howitt [2005])². Это своего рода возврат к истокам экономической науки. Такие экономисты, как Адам Смит, подчеркивали «несовершенства рынка», понимаемые естественным для того времени образом, т.е. как всякого рода отступления от совершенной конкуренции. В их работах мы не найдем положений, что все потребители и предприниматели располагают полной информацией, что выгоды от определенного вида деятельности целиком попадают к тем, кто ею занимается, что нет различий в характере благ, производимых разными предпринимателями, что все предприниматели имеют дело с ценами, которые диктует рынок, и т.п.

Но в моделях эндогенного роста — равно как и в неоклассических моделях — ненулевые и невзрывные долгосрочные темпы роста получаются только при предположении, что

¹ Этот анализ по-прежнему очень несовершенен, см. главу 2.

² Модели эндогенного роста, в которых — напомним — изменения в факторной производительности не заданы, но моделируются, также позволили углубить проводимые на базе неоклассической модели исследования связи между долгосрочным экономическим ростом и шоками (см., например, Kydland, Prescott [1982]). Любой шок, затрагивающий в конечном счете факторную производительность, имеет в моделях экономического роста устойчивое влияние на уровень выпуска. Однако без дополнительного вмешательства в эти модели они могут при постоянно повторяющихся шоках, отличающих реальные экономики, давать отрицательную зависимость роста от шоков только тогда, когда отрицательные шоки в среднем превышают по силе положительные шоки. Эмпирические исследования тем не менее показывают, что такая отрицательная зависимость имеет место и при отсутствии этой асимметрии, асимметрия же, если вообще ее усиливает, то незначительно (Fatas [2002]). Итак, несмотря на то что модели экономического роста, в том числе и модели эндогенного роста, не позволяют без введения в них дополнительных предпосылок корректно отразить эмпирически важную зависимость долгосрочного роста от шоков, это не привело к приданию исследованиям этой зависимости первостепенной значимости в деле развития моделей экономического роста (см. сн. 5).

Дополнительные примеры применения теории эндогенного роста можно найти в: Aghion, Howitt (1997) или Acemoglu (2009).

прирост в единицу времени выбранной переменной, определяющей рост факторной производительности, линейно зависит от ее уровня (см., например, Jones [2005]). Это положение является следствием такой конструкции модели, которая требует, чтобы (по крайней мере в достаточно долгом периоде) продукт демонстрировал единичную эластичность относительно этой переменной, т.е. чтобы он рос такими же темпами, как и она. Если бы эта эластичность была меньше единицы, тогда темпы роста падали бы; если, наоборот, она хотя незначительно, но превышала бы единицу, тогда темпы роста ускорялись бы от одного периода к другому, а доходы на душу населения достигли бы бесконечной величины в конечный (притом совсем недолгий¹) период. Острота этого положения в течение долгого времени тормозила развитие эндогенных моделей роста, несмотря на то что первые такие модели возникли, как мы уже говорили, в 60-е годы (см. Jones [2005]). Развитие началось только тогда, когда этому положению перестали придавать большое значение, но оно все еще не потеряло своей остроты.

Подавляющее большинство как неоклассических, так и эндогенных моделей экономического роста ссылаются на лежащие на поверхности причины различий в темпах роста, т.е. на различия в уровне занятости, на норму накопления разных видов капитала, а также на технический прогресс и эффективность использования – в техническом плане – факторов производства (скорее к числу исключений, чем к правилу, можно отнести такие работы, как Parente, Prescott [2000] или Acemoglu, Antras, Helpman [2007]). В моделях обоих типов эти поверхностные причины чаще всего детерминированы исключительно выбранным видом функции полезности домашних хозяйств, функцией (функциями) производства и значениями их параметров, а стало быть, величинами, которые сами требуют объяснения. Даже если при помощи этих моделей анализируются последствия разных типов экономической политики, последняя вообще понимается очень узко (как, скажем, определенный вид на-

¹ Например, при эластичности, превышающей единицу всего на 0,05, такие страны, как Франция или Германия, достигли бы бесконечного дохода на душу населения самое большое за 200 лет [Solow, 1994].

логов или государственных расходов) и безотносительно к вопросу, чем вызвано данное конкретное воплощение этой политики. И одни и другие модели имеют абсолютно аисторичный характер¹. Те факторы, изменения которых имеют на самом деле сильное влияние на экономические результаты (например, изменения структуры рынка), заданы в них, т.е. ни от чего не зависят и не меняются. Наконец, не вполне известно, к анализу экономического роста в каких странах можно их применять. Беглый взгляд на их [теоретические] основания позволяет сразу же констатировать, что, например, экономика с централизованным планированием им не соответствует. А потому с помощью этих моделей ее анализировать не следует. Впрочем, исходя из этого принципа можно удалить еще ряд стран. Если хочется применить эти модели к исследованию экономического роста большого числа стран, то надо смириться с тем фактом, что их фундаментальные предпосылки не будут соответствовать реалиям этих стран. Однако прежде всего такое широкое применение равнозначно сомнительному предположению, что все экономики выглядят одинаково (например, независимо от общественного строя). Значение этого предположения для результатов, порождаемых моделью, невозможно оценить в рамках модели экономического роста.

Такой анализ чувствительности потребовал бы выхода за рамки поверхностных детерминант экономического роста и обращения к более глубинным причинам, в том числе и к институтам (о понятии института см. параграф 1.5). Попытки проанализировать эти более глубокие причины экономического роста делаются в рамках других течений. Здесь можно выделить два противоположных подхода: рыночный и этатистский [Balcerowicz, 2006].

¹ Это не означает, что мы не видим прогресса, достигнутого в теории экономического роста в таком, например, отношении: возникли модели, позволяющие проиллюстрировать тот факт, что в течение большей части человеческой истории доходы на душу населения не менялись, а потом вдруг – в отдельных странах – стали быстро расти (например, Galor, Weil [1999]; Galor, Moav [2002] или Hansen, Prescott [2002]; см. также Galor [2005]).

Рыночный подход идет от Адама Смита и классиков политэкономии. К этой же традиции принадлежит и данная книга. Смит [Smith, 1776 (2007)] подчеркивал положительное значение рыночной конкуренции — одного из следствий экономической свободы — для экономического развития. Зато критически он относился к монополии. Он отмечал «непроизводительный» характер государственного сектора и был скептически настроен к государственному регулированию экономики. Основные выводы Смита можно найти и у его последователей, в частности у Милля [Mill, 1909 (1996)], согласно которому деспотизм государства, в частности грабительское или волюнтаристское налогообложение, гораздо более опасны для развития общества, чем практически любая из степеней отсутствия права или других нарушений в «свободной системе».

При этатистском подходе свободный рынок признается основным препятствием для экономического роста. И соответственно ключом к экономическому развитию считается антирыночный государственный интервенционизм. К этой традиции принадлежали меркантилисты, которых резко критиковал Адам Смит, но ее самым громогласным и несколько парадоксальным пропагандистом был Карл Маркс. Несмотря на то что он видел технический динамизм капитализма, он предрекал его упадок, указывая, в частности, на разрушительную роль «анархии производства», т.е. рыночной конкуренции. Принципиальная рекомендация Маркса была реализована в форме экономики с централизованным планированием. Так, Дуглас Норт [North, 1998, с. 100–101] считает «особого рода иронией, что Карл Маркс, который первым указал на необходимость изменений в структуре общества с целью использования потенциала новой техники, несет ответственность за возникновение экономик, которые провалились именно в этом отношении». Склонность к этатизму, хотя и не столь ярко выраженную, как у Маркса, можно найти и у Шумпетера. Он утверждал, что определенные стимулы для предпринимательства могут иметь место и в некапиталистических системах, а капиталистический мотив прибыли можно заменить другими мотивами [Schumpeter, 1934 (1983)]. Он пошел еще дальше. Он сказал, что при со-

циализме управляющим промышленностью можно поставить задачу производить так экономно, как только можно. В результате «в социалистической экономике каждое усовершенствование теоретически могло бы распространяться посредством распоряжения, и низкая эффективность могла бы быть быстро преодолена» [Schumpeter, 1942 (1962), s. 196].

Влияние этатистского подхода, как в исследованиях, так и в экономической практике, расширялось вместе с распространением мнения о том, что, с одной стороны, экономический рост в СССР в межвоенный период и, с другой стороны, Великая депрессия в капиталистических странах в 1930-е годы доказали превосходство широкомасштабного государственного вмешательства в функционирование свободного рынка. В свою очередь, падение его значения началось в результате выявления сильнейших провалов антирыночных систем в деле стимулирования экономического развития, в частности под влиянием кризиса, а в дальнейшем — развала социализма в СССР и странах Центральной, Восточной и Южной Европы.

Поставленные жизнью эксперименты по внедрению диаметрально противоположных институциональных систем в таких странах, как Восточная и Западная Германия или Южная и Северная Кореи, показали, что ключевое значение для экономического развития имеют именно институты. Сдвиг в направлении исследований институциональных переменных произошел в рамках таких течений, как анализ прав собственности (Alchian [1977]; Furubotn, Pejovich [1972]), теория общественного выбора (Buchanan [1989]; Tullock [1998]; Niskanen [1971]), конституционная экономика (Hayek [1960]; Buchanan [1989]), теория групп влияния (Olson [1965]; Becker [1984]) или экономическая история (North, 1998).

Значение некоторых институтов для экономического роста стали анализировать с помощью моделей экономического роста. Это касается, например, государственного регулирования, которое ослабляет конкуренцию через сужение возможностей, с одной стороны, способа использования данной техники, а с другой стороны, ее выбора (см. Parente, Prescott [2000]); исследовалось также влияние исполнения

контрактов (см. Acemoglu, Antras, Helpman [2007]). Это можно признать важным шагом в анализе экономического роста. Необходимо, однако, заметить, что этот анализ на практике можно свести к исследованию — в рамках модели роста — последствий налогообложения, сокращающего рентабельность инвестиций (или любых других производительных действий). Оценка этих последствий зависит, как мы уже говорили, от того, какие модели использовались — неоклассические модели или модели эндогенного роста и как калибровались параметры. Среди экономистов нет единодушия ни относительно того, какая из этих двух групп моделей лучше описывает реальность, ни относительно того, какие значения следует присвоить параметрам, имеющим принципиальное значение для результата. Трудно избежать произвольных решений, особенно в случае параметров, описывающих отдельные виды институтов, что приводит к тому, что даже в рамках одной модели невозможно убедительно ранжировать значение этих институтов для экономического роста. Такой анализ, хотя и использует количественные методы, далеко недостаточен для определения роли конкретных институтов. Но он может помочь при интерпретации результатов, полученных в ходе применения других методов (он помогает, например, показать, что знак корреляции не обязательно соответствует направлению зависимости между переменными). Его также следует шире использовать при построении эконометрических моделей (см. далее).

На начальном этапе эмпирических исследований влияния институтов на экономический рост эконометрика имела ограниченное применение. В первых оценочных уравнениях, изучающих большое количество потенциальных источников экономического роста, трудно найти институциональные переменные в узком смысле (см., например, Kormendi, Meguire [1985]; Barro [1989] и [1991]; Levine, Renelt [1992]; Barro, Lee [1993]). Тем не менее они учитывали переменные, связанные с институциональными переменными (например, фискальный дефицит, различные виды государственных расходов, показатели открытости экономики, различия между валютными курсами черного и официального рынков, динамику кредита, политическую нестабильность, войны).

Институциональные переменные стали вводить в оценочные уравнения с середины 90-х годов (см., например, Knack, Keefer [1995]; Mauro [1995]; Barro [1996]; Keefer, Knack [1997]; Ayal, Karras [1998]; Hall, Jones [1999]; Chong, Calderon [2000]; McArthur, Sachs [2001]; Acemoglu, Johnson, Robinson [2001]; Acemoglu, Johnson [2005]). Этот прогресс в исследованиях, интересующихся более глубокими обстоятельствами роста, был связан с разработкой измерителей институциональных переменных и созданием баз данных по ним. Поначалу в этих исследованиях использовались данные, которые публиковала Political Risk Service, частная фирма, занимающаяся оценкой риска экспроприации инвестиций в разных странах. Позже появились и другие показатели, разработкой которых занимались, в частности, Институт Фрэзера (Economic Freedom of the World Index, публикуется с 1996 г.), «Херитидж Фаундейшн» (Index of Economic Freedom, рассчитывается с 1995 г.), Европейский банк реконструкции и развития (Transition Indicators, впервые представлены в 1994 г.) и Всемирный банк (рейтинги Governance Matters и Doing Business, публикуются с 1999 и 2003 г. соответственно). В общей сложности измерением различий в институтах в мире занимается более 30 организаций (см. Kaufmann, Kraay, Mastruzzi [2008]). Разработанные ими показатели, несмотря на массу слабостей, о которых мы будем говорить ниже, сделали возможным дальнейший прогресс в выявлении и определении веса глубинных детерминантов экономического развития. Используются они и в нашей книге.

Во-первых, слабость упомянутых показателей состоит в том, что при их построении часто принимается во внимание не столько форма каждого данного вида института, которую трудно выразить цифрой, сколько легкие для числового выражения результаты его деятельности. В связи с такими особенностями их конструкции использование этих показателей в эмпирических исследованиях может давать искаженные результаты и отражать, вместо действительного воздействия разных институтов на экономический рост, скорее субъективное суждение тех, кто разрабатывает конкретные индексы для институтов, имеющих определенное влияние

на экономический рост. Во-вторых, эти показатели не предоставляют больших возможностей для анализа институциональных изменений во временном аспекте. Их временные ряды, как правило, коротки, а институциональные изменения в большинстве стран происходят редко и медленно. Даже если отдельные показатели охватывают периоды, которые начались до публикации этих показателей, то сравнимость данных по разным годам ограничена, например из-за различий в наборах переменных, служащих для построения индексов по конкретным годам (см. подындексы Института Фрэнзера). Некоторые индексы изменяются только в одном направлении, что из-за их ограничений сверху ведет ко все меньшим и меньшим приростам (например, индексы ЕБРР). В исследованиях, учитывающих временное изменение, эта их особенность может дать мнимую регрессию (Rzońca, Ciżkowicz, 2003). Часть индексов из-за ежегодной стандартизации (например, индексы Governance Matters) позволяет оценить только лишь относительные изменения качества институтов, т.е. по отношению к средней в по выборке стран. В-третьих, нелегко проводить межстрановые сравнения, что связано с произвольностью масштаба, используемого при измерении качества института. Такие сравнения дают возможность сказать, существенно ли различается качество института в разных странах, но не позволяют точно определить, насколько велики различия. В результате эти показатели больше помогут в ответе на вопрос, велик ли вклад институтов в различия экономических результатов между странами, чем в определении институциональных изменений, необходимых для определенной коррекции этих результатов в данной стране. В-четвертых, степень сложности большинства из показателей делает затруднительным определение, что они на самом деле измеряют. В итоге даже если в эмпирических исследованиях проводится различие между разными видами институтов, то эти различия имеют очень общий характер. Результаты этих исследований значительно лучше отвечают на вопрос, влияют ли институты на экономический рост, чем на вопрос, какие из институтов оказывают такое влияние. Существуют, однако, и показатели, дающие возможность точно идентифицировать измеряе-

мое пространство (например, имеющиеся в рейтинге Doing Business). Однако в их случае проблема в том, что они охватывают измерениями узкое пространство, что не отражает качества всех институтов в данной стране.

На недостатки измерителей институциональных переменных следует смотреть в соответствующей перспективе. Трудности с измерением не ограничиваются исключительно этими переменными. В такой же степени они касаются и поверхностных детерминантов экономического роста. В случае физического капитала для подавляющего большинства стран оценивается его запас, а не те услуги, которые он оказывает, к тому же делается это механически (с помощью двух простых формул и данных относительно участия инвестиций в ВВП и относительно самого ВВП). Тем самым не учитываются не только различия между периодами в качестве средств производства, но и различия в том, как осуществляются инвестиции (экономно или, напротив, — расточительно); принимаются произвольные допущения относительно степени амортизации капитала, т.е. той его части, которая расходуется за единицу времени (при этом делается предположение, что она одинакова для разных периодов и разных стран), а также — относительно первоначального запаса капитала¹. Наконец, для большинства стран сами данные о ВВП и доле инвестиций в ВВП, используемые в оценках, характеризуются большой ошибкой измерения (о чем свидетельствуют различия между базами данных у разных авторов), а также все новыми и новыми вариантами одних и тех же баз (см., например, главу об Эстонии и Словении). В случае человеческого капитала нет единодушия даже в отношении того, с какого боку следует подходить к его оценке (используются такие показатели, как доля людей в экономически активном возрасте, закончивших среднюю школу, среднее количество лет формального образования, которое имеют у себя за плечами люди в возрасте свыше 25 лет, ожидаемая продолжительность жизни, ежедневное среднее

¹ При более детальном подходе — в отношении долгосрочных темпов роста дохода на единицу труда, доли инвестиций в выпуск и степени амортизации, т.е. параметров, определяющих отношение капитала к выпуску в неизменном состоянии (см., например, King, Levine [1994]).

потребление калорий и т.д.). Как правило, опускаются различия в таких показателях, как качество формального образования, как между странами¹, так и во времени; уровень образования, образ жизни и доступность услуг здравоохранения как для работающих, так и для неработающих; интенсивность и качество внешкольного воспитания; возрастная структура населения в экономически активном возрасте и т.д. Эти слабости указывают, что исследования, сосредоточенные на лежащих на поверхности причинах роста, все еще не исчерпали своего потенциала. Тем не менее прогресс – как в интеллектуальном, так и в практическом значении – следует искать прежде всего в анализе его глубинных детерминантов.

Знак при институциональных переменных (а ранее при переменных, связанных с институтами), изображающий направление их влияния на экономический рост, а также их статистическая значимость, как правило, соответствовали ожиданиям. Однако в тех случаях, когда их подвергли проверке чувствительности к изменению спецификации оценочного уравнения (см., например, Levine, Renelt [1992]; Sala-i-Martin [1997]; Kalaitzidakis, Mamuneas, Stengos [2000]; Doppelhofer, Miller, Sala-i-Martin [2000]), все или подавляющее их большинство, в зависимости от исследования, оказывались чувствительными к таким изменениям².

Эта чувствительность указывает, с одной стороны, на необходимость более широкого использования теории и результатов других исследований при спецификации оценочных уравнений, а с другой стороны, на недостатки в теории.

¹ К исключениям можно отнести статью Hanushek, Kimko [2000]. В качестве меры качества человеческого капитала эти авторы принимают результаты, демонстрируемые учениками при решении стандартизированных международных тестов. Такой показатель может быть полезен при оценке качества формального образования в данный период, но не должен прямо связываться с качеством формального образования в прошлом, а в итоге – с качеством формального образования большинства лиц в экономически активном возрасте.

² Следует, однако, обратить внимание на то, что эти тесты столь требовательны, что могут исключать из совокупности переменных, объясняющих экономический рост, его реальные детерминанты (Hoover, Perez [2004]; см. также: Durlauf, Johnson, Tempie [2005, с. 611–612]).

Вытекающих из нее указаний для эмпирических исследований потенциальных механизмов, отвечающих за экономический рост, оказывается недостаточно для построения таких структурных моделей, набор переменных в которых отражал бы более глубокую обусловленность этого роста. Среди экономистов нет согласия не только относительно каналов воздействия, но и в отношении перечня этих переменных. В итоге в оценочные уравнения часто вводят одновременно и поверхностные детерминанты роста, и переменные, которые должны приближать значительную часть его глубинных обусловленностей¹. Даже если бы эти глубинные причины были полностью независимы друг от друга, а экономисты располагали бы их точными значениями, то, поскольку каждая из них воздействует на экономический рост через поверхностные детерминанты (хоть необязательно через одни и те же и, скорее всего, никогда не действующие с одинаковой силой), полученные результаты могли бы быть устойчивы к изменениям в спецификации оценочных уравнений. В свою очередь, учет в оценочных уравнениях только тех переменных, которые должны отражать глубинные причины роста, сопряжен с риском заменить переменные с хорошо документированным влиянием на экономический рост² и более долгой историей измерения переменными, способными показывать только кажущуюся связь с ним, и потенциально обременены более значительной ошибкой измерения. Кроме того, даже если бы переменные, использованные для оценивания модели, правильно отражали часть глубинных причин роста и не были при этом обременены большой ошибкой измерения, они необязательно полностью отражали бы значимость для экономического роста по крайней мере некоторых из его поверхностных детерминант, а в результате — обосновывать их исключение из оценочного уравнения.

¹ Такую конструкцию уравнений популяризировал Барро (Barro [1989] и [1991]); поэтому их часто называют уравнениями Барро (Durlauf, Johnson, Tempie [2005, с. 580-581])

² Эта сильная зависимость может, однако, отражать проблему эндогенности мелких детерминантов экономического роста (даже если не в статистическом смысле, то в смысле экономическом, см. следующий абзац).

С применением эконометрики для исследования причин экономического роста — как поверхностных, так и глубинных — связаны и другие проблемы: зависимость объясняющих переменных не только друг от друга, но и от объясняемой переменной, изменчивость как объясняемой переменной, так и объясняющих переменных зависит от одной и той же переменной, не учтенной в модели, неслучайные отсутствия в данных (проистекающие, например, из того факта, что правительства могут неохотно публиковать данные, которые выставляют их в плохом свете), потенциально нелинейные зависимости между объясняемой переменной и объясняющими переменными, нестабильность этих зависимостей во времени, различия объясняемой переменной между странами и т.д.¹ Непрерывный прогресс в эконометрике сглаживает последствия этих проблем, но не в состоянии их устранить, при этом обнажая очередные проблемы. В итоге их список скорее увеличивается, нежели сокращается².

Но даже если бы этот список сокращался, все равно значительная роль в анализе детерминантов экономического роста оставалась бы за (традиционно понимаемыми) историческими исследованиями. От них в большой степени зависит тот корпус информации, который потом можно проанализировать с помощью других инструментов³. Они также дают массу гипотез, которые впоследствии проверяются с применением количественных методов.

¹ Большинство из этих проблем рассмотрено, в частности, в: Durlauf, Johnson, Tempie [2005].

² Это не означает, что у эконометрики сегодня больше слабостей, чем в прошлом. Благодаря прогрессу в этой области верно как раз обратное. Но прогресс в эконометрике базировался в том числе и на обнаружении все новых и новых ограничений ее применимости. Другими словами, все нынешние ограничения эконометрики существовали и раньше, но не о всех знали.

³ В качестве примера такого положительного влияния исторических исследований на количественные исследования с использованием эконометрики может послужить работа [Acemoglu, Johnson, Robinson 2001], несмотря на все замечания, высказанные в ее адрес. В качестве инструментальной переменной для современных для прежних европейских колоний институтов эти авторы приняли смертность среди первых европейских поселенцев на тех землях.

На эмпирические исследования экономического роста можно взглянуть также с точки зрения количества охватываемых стран. Большинство работ на эту тему анализирует либо (а) широкую группу стран, либо (б) имеет характер конкретных исследований, сосредоточенных на какой-то одной стране.

Подход (а) благодаря (относительно) большому количеству наблюдений позволяет прибегнуть к количественному анализу и тем самым определить значение (статистическую значимость и по крайней мере направление воздействия) отдельных детерминантов экономического роста. Среди этих детерминантов могут быть институциональные переменные. Несмотря на то что их измерение проводится с недавнего времени, но при больших различиях институтов между странами большое количество стран дает соответствующую вариативность наблюдений. Если при этом подходе учитываются эти и другие глубинные детерминанты экономического роста, то он может внести, как мы уже говорили, важный вклад в исследование источников экономического роста. Но есть у этого подхода и существенные слабости. Несмотря на использование количественных методов, его возможности в деле сравнения значений отдельных переменных для экономического роста ограничены. Если посмотреть на всю совокупность исследований в рамках этого подхода, то следует признать, что они охватили множество самых разных переменных (например, Дурлауф, Джонсон и Темпл описывают результаты исследования, включающего 145 переменных, т.е. переменных даже больше, чем стран в большинстве исследований, см. Durlauf, Quah [1999]). Однако из-за ограниченной доступности сравнимых данных по одинаковым группам стран, а также по причине измерения, по крайней мере частично, одних и тех же явлений с помощью разных переменных, в конкретно-страновом исследовании принимается во внимание небольшое количество потенциальных источников роста. При таком подходе часто не исследуется также направление причинно-следственных связей, а если благодаря учету в анализе фактора времени или инструментальных переменных его пытаются определить, то из-за сокращенного вида оценочных уравнений (а также трудностей

в поиске соответствующей инструментальной переменной) это делается очень несовершенно (в достаточной степени не принимается во внимание, например, значение источников изменчивости объясняющих переменных). Этот подход также не дает возможности полностью учесть те специфические условия, которые имеются в данной стране (а в случае обзорных исследований вообще их не учитывает). Наконец, исследования в его рамках имеют, как правило, совершенно аисторичный характер. Если ход времени что-то и меняет, то всего лишь единичные параметры (причем чаще всего подразумевается, что изменение определенного параметра во всех странах произошло в один и тот же момент).

Подход (б) позволяет получить конкретное историческое знание о развитии экономики и, таким образом, может ставить важные вопросы для исследований, проводимых в рамках первого подхода. Однако вследствие недоступности соответственно длинных временных рядов измерителей потенциальных детерминантов экономического роста он зачастую носит описательный характер, что затрудняет убедительное определение веса конкретных факторов с точки зрения экономического развития. Если же анализ в рамках этого подхода имеет количественный характер, то из-за краткости временных рядов ограничивается доступ к некоторым потенциальным детерминантам роста. Таким образом, он дает лишь фрагментарную картину источников экономического роста. Как правило, при этом он опускает институциональные решения, поскольку, с одной стороны, попытки измерить качество институтов начали предприниматься лишь в последнее время, а с другой — это качество, как правило, существенно не меняется в тот период, по которому доступны соответствующие данные. Обойти эту проблему можно при помощи исследований, оперирующих данными на уровне производственных секторов или предприятий. Впрочем, с таким решением связана проблема агрегирования (полученные результаты не обязаны легко переноситься на весь народнохозяйственный комплекс), а также все те проблемы, которые характерны для подхода (а).

В нашей работе мы применяем третий метод: сравнительное исследование специально подобранных пар стран,

которое позволяет (о чем пойдет речь в следующей главе) частично обойти слабые места, характерные для обоих подходов.

1.5. Исследовательский метод, примененный в данной книге

Исследования, из которых составлена эта книга, отличаются от подавляющего большинства эмпирических исследований экономического роста три черты, позволяющих, как мы считаем, лучше выявить глубинные детерминанты роста.

Во-первых, как уже говорилось, исследования в этой книге среди прочих детерминантов роста учитывают как шоки, так и системные силы развития. При этом они пытаются определить относительное значение экономических спадов и замедлений темпов экономического для долгосрочных темпов экономического роста.

Во-вторых, системные силы экономического развития анализируются здесь на двух уровнях. Сначала там, где это целесообразно, рассматривается статистика темпов роста с определением относительного значения затрат труда и капитала, а также изменения факторной производительности. Затем через рассмотрение глубинных сил, особенно институтов, предпринимается попытка объяснить, как формируются эти величины.

В-третьих, и это главное отличие данной книги от подавляющего большинства работ, посвященных экономическому росту, она представляет сравнительные исследования специально подобранных пар стран. Это такие пары стран, в которых доходы на душу населения в какой-то момент были одинаковыми или очень близкими, а потом по этому показателю страны стали сильно отличаться¹. В работе исследованы периоды возникновения различий в темпах экономического роста и — в результате — в уровне доходов на душу населения для Австралии и Новой Зеландии, Австрии и Швейцарии, Эстонии и Словении, Мексики и Испа-

¹ В некоторых случаях подобраны такие пары стран, в которых разница в доходах на душу населения существенно сократилась.

нии, Чили и Венесуэлы, Гаити и Доминиканской Республики, Пуэрто-Рико и Коста-Рики, Китая и Индии, Индонезии и Пакистана. Сравнительный анализ подобранных таким образом стран дает возможность абстрагироваться от массы факторов, которые при анализе одной страны могут показаться значимыми детерминантами роста¹. В данной работе большинство стран подобраны так, чтобы у них — по крайней мере в момент старта — было по возможности как можно больше сходств, в том числе и в отношении трудноизмеряемых факторов, таких как культура, понимаемая как неформальные социальные нормы, а также частично связанное с этим деление общества на группы, связанные разнообразными неформальными узами. Одновременно вся исследованная группа стран настолько разнородна, что позволяет сделать определенные обобщения относительно главных детерминантов долгосрочных темпов роста дохода на душу населения. Эта группа включает — как видно из приведенного выше списка — страны как с низким, так и с высоким уровнем доходов на душу населения, страны как большие, так и малые, островные и не имеющие выхода к морю, богатые природными ресурсами и практически не имеющие их, страны, населенные приверженцами всех мировых религий, расположенные на всех континентах, кроме Африки², со стареющим и с молодым населением, как с высокой, так и с низкой долей образованных жителей.

Каждая глава, в которой рассматривается пара стран, имеет одинаковую структуру, состоит из трех частей.

В первой части анализируется траектория долгосрочного роста доходов на душу населения.

Вначале исследуется:

¹ См., например, Bergoëing, Kehoe, Soto [2002]. Сравнивая Чили с Мексикой в 80–90-е годы, эти авторы подвергли сомнению преобладающее в литературе объяснение хороших результатов развития Чили и плохих результатов Мексики.

² Отсутствие в анализе стран Африки не означает, что на этом континенте не действуют законы экономики. В Африке тоже возможен быстрый экономический рост, примером чего может быть Ботсвана: в 1950 г. эта страна была одной из беднейших в мире, а теперь в ней доходы на душу населения сопоставимы с польскими.

- переживали ли изучаемые страны периоды экономических спадов;
- в какой степени эти периоды — если они имели место — объясняют появившееся различие в уровне доходов на душу населения в конкретной паре стран.

Далее, для периодов, в которые не наблюдались экономические спады, приводится типовая статистика экономического роста. Мы сочли, что приведение такой статистики для периодов экономических шоков не имеет большого смысла, поскольку она относится к системным силам экономического развития, а в периоды экономических спадов преобладают другие силы, связанные, например, с резким ухудшением отношения цен экспортируемых товаров и услуг к ценам импортируемых товаров и услуг [т.е. ухудшением условий торговли. — *Ред.*], с явным падением внешнего спроса, с падением внутреннего спроса и т.д. Кроме того, результаты статистических расчетов темпов роста для периодов экономического спада легко предсказать: поскольку затраты труда и капитала по своей природе малоизменчивы, спад должен выразиться главным образом в падении факторной производительности. Этот очевидный факт ничего не говорит о глубинных причинах этого спада или — что хуже — может направить на их ошибочный поиск среди системных сил экономического развития, а не среди шоков¹.

В отдельных главах статистика темпов роста дополнена двумя видами анализа.

1. В тех случаях, когда она указывала на существенное влияние изменений в занятости на темпы экономического роста, делались попытки — в зависимости от доступности соответствующих данных — разложить их на части, обусловленные изменениями соответственно в доле лиц экономически активного возраста в общей численности населения и в доле работающих в общей численности населения, находящегося в экономически активном возрасте. Принято считать, что

¹ На ограниченную изменчивость затрат труда и капитала указывают, в частности, Кехоу и Прескотт (Kehoe, Prescott [2002]), но — что странно — эти авторы считают удивительным фактом то, что в периоды экономических спадов снижается главным образом показатель факторной производительности.

первое изменение является результатом демографических процессов (государство может непосредственно влиять на них, практически только изменяя возраст выхода на пенсию), а второе – результатом факторов, анализируемых во второй части каждой главы.

2. В свою очередь, с целью идентификации источников (или барьеров для) роста производительности сравнивалась производительность труда и ее динамика в разных секторах экономики, а также изменения доли этих секторов в общей занятости. Такой анализ позволил не только указать сектора, ускоряющие (или тормозящие) экономический рост, но и определить степень свободы перетока факторов производства между секторами, различающимися эффективностью их использования.

Вторая часть каждой главы определяет глубинные причины возникновения различий в уровне доходов на душу населения в исследуемой паре стран, т.е. обращается к функционирующим в них институциональным решениям и тому, как под влиянием этих решений формируется экономическая политика.

В тех случаях, когда в первом пункте констатируется, что различие в уровнях дохода на душу населения проистекают из различия в глубине или частоте экономических спадов, во втором пункте делается попытка не только показать источники этих спадов и причины их глубины в одной стране, но также установить, почему второй стране удалось избежать (столь же сильных) спадов. С этой целью было оценено значение для каждой страны:

- шоков, не зависящих от проводимой экономической политики, таких как, с одной стороны, резкое ухудшение отношения цен экспортируемых товаров к ценам импортируемых товаров, резкое падение спроса на мировых рынках на товары, производимые в данной стране, скачкообразный рост ставки ссудного процента на мировых финансовых рынках или нежелание инвесторов рисковать, а с другой стороны, природные катастрофы и политические перевороты;

- шоков, являющихся результатом экономической политики, в том числе в особенности — денежной и фискальной политики данной страны.

Кроме того, было изучено:

- насколько данная страна была готова к тому или иному шоку,
а также

- как под влиянием шока страна изменила экономическую политику, т.е. как урегулировали кризис и как формировали условия для послекризисного развития.

В той мере, в какой разницу в темпах роста для всего рассматриваемого периода определяли не годы спадов, а различия в темпах роста в периоды, когда экономический рост был в меру стабильным в обеих исследуемых странах, вторая часть каждого раздела посвящается поискам более глубоких причин полученных результатов статистики темпов роста, приведенной в первой части. В зависимости от этих результатов делается акцент на барьерах как для роста занятости и инвестиций, так и для эффективности использования факторов производства и технического прогресса.

Наконец, в третьей части каждой главы собраны основные выводы из проведенного анализа. Важнейшие из них представлены также в заключительной главе книги.

1.6. Понятийная и аналитическая схема

Исследования экономической динамики, ее падений и периодов достаточно равномерного роста в настоящей книге опираются на определенную понятийную и аналитическую схему (Balcerowicz [2006] и [2008]). Ее основные элементы представлены на рис. 1.1.

В экономической литературе часто употребляются термины «институты» и «экономическая политика», но каждый автор вкладывает свое понимание в их определение. В настоящем сборнике эти понятия имеют центральное значение, и в условиях отсутствия единой интерпретации в литературе они требуют уточнения.

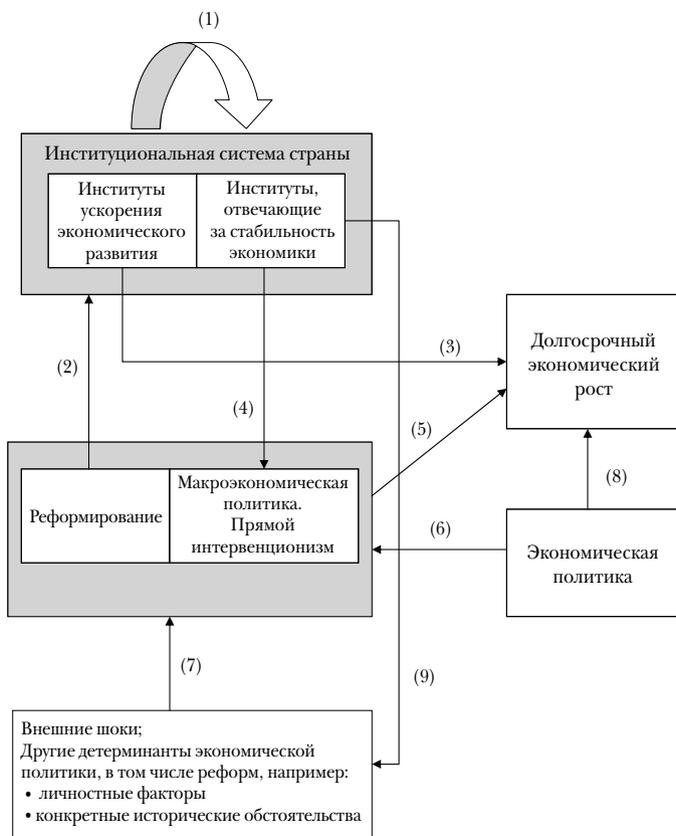

Рис. 1.1. Детерминанты долгосрочного роста

Источник: собственные расчеты.

Под институтами мы понимаем все нематериальные и относительно устойчивые факторы, которые являются внешними относительно данного лица и способны воздействовать на его поведение (Balcerowicz [1995]; аналогичное определение можно найти также в Greif [2006]). Институты задают форму деятельности людей, в частности их взаимодействиям (сделкам), в том смысле, что достаточно большие различия или изменения в институтах ведут к большим раз-

личиям в этих действиях и во взаимодействии между людьми, а в конечном счете — в экономических результатах¹.

Институты обычно делятся на формальные, т.е. связанные с существованием государства и так или иначе «официально» признаваемые, и на неформальные, т.е. существующие независимо от государства. Эти вторые суть разнообразные социальные нормы, а также группы и сети связей между людьми (например, кастовая система в Индии). Неформальные институты, в принципе, тождественны тому, что определяется как культура в узком смысле слова. В данной книге мы делаем акцент на формальных институтах. При этом мы смотрим на всю институциональную систему (иначе говоря: строй) в изучаемых странах, которую составляют все существующие в них институты, способные влиять на поведение людей².

Под экономической политикой мы понимаем всю деятельность представителей властных структур, имеющих влияние на экономику, в том числе на ее стабильность и рост. Следует отметить, что в отличие от большей части литературы³ мы не относим к экономической политике такие переменные, как, например, механизм курсообразования или уровень защиты национального рынка. В соответствии с приведенным выше определением института эти и подобные им факторы следует отнести к институциональной сис-

¹ Согласно определению институты — это «создаваемые человеком ограничения, которые задают форму взаимодействия между людьми, влияя на стимулы при обмене экономического, политического или социального характера» [North, 1998, с. 95]. Совокупность факторов, выделяемых в качестве «институтов», в силу первого определения, аналогична той, которую выделяет второе определение.

² В состав институциональных систем разных стран могут входить похожие элементы, например похожие правовые системы. Такое имеет место, например, в странах Евросоюза. В качестве общей части институциональных систем разных стран можно, в принципе, рассматривать любое положение международного права, которое отражено в законодательстве каждой данной страны или непосредственно связывает его граждан или институты.

³ Расширенная трактовка понятия экономической политики и соответственно зауженная предметного диапазона институтов, естественно, могут привести к увеличению значимости первой переменной для экономических результатов и уменьшению влияния второй (переменной). Это четко показано, например, в Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer [2006].

теме страны. Поскольку они несомненно являются нематериальными факторами — определенными правилами игры в данной области хозяйственной жизни.

Экономическую политику можно — и стоит — поделить на две части: 1) реформирование; 2) остальное.

Под реформированием мы понимаем все действия облеченных политической властью лиц, изменяющие — с хорошими или плохими результатами — отдельные фрагменты или аспекты институциональной жизни страны. Главные примеры — это либерализация, т.е. устранение административно-правовых барьеров на пути экономической свободы, а также приватизация, т.е. изменение в структуре собственности предприятий, в результате которой лица или организации, непосредственно пользующиеся политической властью, заменяются в роли собственника теми, кто не пользуется непосредственно такой властью. Но к реформам мы относим также изменения и с противоположным знаком: введение регламентации и национализацию.

В зависимости от своего направления, масштабов и продолжительности реформирование может привести в действие два механизма роста [Balcerowicz, 2008].

Первый — это специфические механизмы роста, доступность которых зависит от исходных условий и которые спустя некоторое — порой долгое — время угасают. Примером их действия может быть ускорение роста в постсоциалистических странах, когда устраняется расточительство, столь характерное для системы централизованного планирования, или происходит расширение тех секторов, развитие которых прежде сдерживалось. Благодаря наличию специфических механизмов темпы экономического роста могут ускориться уже на первых этапах реформ, т.е. еще до того, как институциональная система примет «целевую» форму¹.

Другой механизм — это рост на основе инноваций (в частности, благодаря трансферу технологии из-за рубежа). В отличие от специфических механизмов роста это ме-

¹ Еще одной причиной ускорения роста на ранних этапах реформ могут быть ожидания предприятий в отношении дальнейшего улучшения условий хозяйствования. Поэтому удержание четкого курса реформ имеет важное значение для темпа роста экономики в ходе самих реформ.

ханизм потенциально универсальный и устойчивый. Но для того чтобы он заработал, реформа должна придать институциональной системе соответствующий вид (стрелка 3), т.е. убрать из нее барьеры для роста, определяемые как особые состояния отдельных институциональных переменных, ключевых для роста, ускоряемого инновациями, и — из-за его значения — для долгосрочного роста вообще. Кроме того, реформы, устраняющие институциональные барьеры на пути экономического роста, часто заодно приводят в движение специфические механизмы роста, благодаря чему темпы роста в начальный период могут быть исключительно высокими.

Подробнее об обоих механизмах роста и барьерах на его пути рассказывается во второй главе.

Остальная часть экономической политики включает главным образом макроэкономическую политику — налогово-бюджетную (фискальную) и денежно-кредитную, а при системе управляемого валютного курса — курсовую, а также политику надзора за финансовыми институтами. От нее зависят размер и динамика экономического неравновесия, способного оказать воздействие на долгосрочный экономический рост (стрелка 5). Кроме этого, в системах с высокой степенью государственного вмешательства остальная экономическая политика включает непосредственные решения государственных властей относительно распределения инвестиций (порой даже средств на текущее финансирование экономики) между разными отраслями и их конкретного применения. Прямой интервенционизм, разумеется, оказывает влияние и на фискальную политику, и — шире — на макроэкономическую.

Ясно, что относительное значение как реформаторской деятельности, так и остальной части экономической политики в значительной мере зависит от институциональной системы (типа строя). При стабильной системе с широкой экономической свободой, системе, действующей в рамках режима золотодевизиного стандарта, существовавшего во второй половине XIX в. в Великобритании, экономическая политика сводилась главным образом к налогово-бюджетной (фискальной) политике, да и та подчинялась неформально-

му, но глубоко укоренившемся правилу сбалансированного бюджета. Роль реформ сверху была невелика (стрелка 2). Но зато широкий диапазон экономической свободы создавал большие возможности институциональных инноваций снизу в виде новых организационных структур, предприятий и новых форм контрактов (см. стрелку 1). Ограниченное поле для экономической политики и способность к низовым институциональным инновациям является чертой, характерной для систем с широким диапазоном индивидуальной свободы. В свою очередь, в экономике с централизованным планированием на первый план выступает, понятное дело, непосредственное государственное вмешательство в командно-распределительной форме при отсутствии реформ. Макроэкономическая политика, подчиняющаяся прямым распределительным решениям государства, могла, как показывает опыт, сильно варьировать: от крайней дестабилизации (как в Польше в 70-е годы) до относительной макроэкономической стабильности (как в бывшей Чехословакии). Наконец, экономическая политика в постсоциалистических странах содержала очень большой потенциал реформирования (который включал демонтаж прямого интервенционизма) и стабилизирующей макроэкономической политики.

При анализе экономической динамики, ее спадов и периодов довольно равномерного роста в этой книге также проводится выявление в национальных институциональных системах двух типов институтов (см. Balcerowicz [2008]):

- тех, которые в основном определяют уязвимость и устойчивость экономики по отношению к шокам (институты, ответственные за стабильность экономики);
- тех, которые в основном создают концентрацию системных сил развития (институты ускорения).

Институты, отвечающие за стабильность экономики, оказывают влияние на контуры макроэкономической политики (стрелка 4), которая в связке с прямым вмешательством государства усиливает или сглаживает (стрелка 5) последствия внешних шоков для долгосрочного экономического роста (стрелка 8). Дестабилизирующий или вносящий стабильность характер этой политики зависит от взаимодействия между силой институтов, ответственных за стабиль-

ность, и другими факторами, в частности личностями и компетенциями людей, находящихся у кормила политической власти, а также от экономических доктрин, принятых в научной среде и в практике экономической политики¹. Хорошо развитые институты, ответственные за стабильность, не всегда в состоянии отвести от страны экономические шоки, о чем свидетельствует хотя бы последний финансовый кризис в развитых странах.

Институты, отвечающие за экономическую стабильность, можно поделить на поверхностные и глубинные. В число поверхностных институтов входят:

- денежная и валютная система, определяющая стабильность национальной валюты и риск валютного кризиса;
- ограничения, касающиеся государственных расходов и государственного долга, влияющие на риск фискального кризиса;
- финансовый надзор и диапазон допускаемой дисциплины финансовых рынков, воздействующие на финансовые институты и риск финансового кризиса.

Некоторые переменные можно признать относящимися как к институтам, отвечающим за стабильность экономики, так и к институтам ускорения развития. Форма собственности банков имеет значение и для риска банковского кризиса, и для эффективности их работы. Государственные банки в большей степени обременены плохими долгами (см., например, World Bank [2001]), поскольку в значительно большей степени подвержены разного рода политическому давлению при принятии решений о выделении кредитов (см., например, главу о Мексике, об Индонезии, о Китае и Индии). Институциональное ужесточение на рынке труда влияет как на адаптации экономики к шокам, так и на безработицу в долгосрочной перспективе или на скорость внедрения

¹ Так, например, кейнсианская доктрина способствовала возникновению стагфляции 70-х годов на Западе. Связанная с именем Гринспена доктрина невмешательства в виде надувающегося пузыря на рынке активов и концентрации макроэкономической политики на попытке нейтрализовать последствия его схлопывания могла, как это представляется сейчас, способствовать усугублению финансового кризиса, который разразился в США в 2007 г.

инноваций в экономике. Фискальные институты воздействуют на налогово-бюджетную позицию государства, которая определяет риск бюджетных кризисов (см., например, главы о Мексике, Коста-Рике, Венесуэле, Пакистане или Индии), но также играет важную роль среди системных сил экономического роста. Денежно-валютная система определяет риск не только галопирующей инфляции, но и менее заметного роста цен, который хотя и не угрожает кризисом, но ослабляет системные силы экономического роста (см., например, Fischer [1993] или Li, Zou [2002]).

Кроме того, среди переменных, связанных с отдельными институтами, ответственными за стабильность экономики, имеют место существенные взаимозависимости. Например, развитие финансового сектора ограничивает негативные последствия макроэкономической политики, увеличивающей колебания экономического роста (см. Aghion et al. [2004]), но само оно невозможно в условиях политики, вызывающей состояния макроэкономического неравновесия, например инфляцию (см., например, Boyd, Levine, Smith [2001]).

Форма и сила поверхностных институтов, ответственных за стабильность, зависят от ключевой черты политической системы: от того, налагает ли она ограничения на политическую власть и каковы эти ограничения. Когда на политическую власть не наложено никаких ограничений, эти институты должны быть очень слабыми. Осторожность или, напротив, легкомысленность в экономической политике в этом случае представляется функцией личностных характеристик находящихся у власти людей, а не безличных институциональных ограничений (стрелка 7; см., например, то место в главе о Пакистане и Индонезии, где сравнивается макроэкономическая политика обеих стран в 60-е годы). Пространство для институтов, отвечающих за стабильность экономики, существует только тогда, когда политическая власть ограничена (см., например, то место в главе об Индонезии, где говорится о введенном Сухарто правиле сбалансированного бюджета). Та степень, в какой это пространство используется для институционализации ограничений отдельных видов экономической политики или, иными слова-

ми, для их деполитизации, зависит от истории конкретных стран¹.

Политическая система оказывает влияние на макроэкономическую стабильность и в результате — на экономический рост не только через влияние на институты, ответственные за стабильность экономики, но и другими путями. Неограниченная политическая власть привлекает людей амбициозных, но не всегда высокоморальных (стрелка 9). Это может вылиться в частые пертурбации во власти и как результат — в экономическую нестабильность (см. главу о Гаити). Или, наоборот, эта власть может на долгое время попасть в руки ведущих пагубную для своих стран экономическую политику. Ленин и Сталин в СССР, Гитлер в Германии, Мао в Китае, Ким Ир Сен в Северной Корее и Мугабе в Зимбабве потрясают, причем не только примерами такой опасности.

Деление политических систем на системы с ограниченной и неограниченной политической властью не тождественно с делением стран на демократические и недемократические. Демократические страны со слабыми конституционными ограничениями также могут стать объектом безответственной экономической политики (например, Чили времен правления Альенде; см. также главы о Коста-Рике и Венесуэле). Но следует добавить, что те экономические шоки, которые были спровоцированы диктаторами (см. выше), были несравнимо более опустошительными.

Таким образом, институциональные ограничения политической власти являются принципиальной гарантией общества от безответственной экономической политики, поскольку, с одной стороны, они минимизируют риск экономического безрассудства, а с другой, позволяют построить специализированные институты, ответственные за стабильность экономики². Однако такие институты нелегко сфор-

¹ Например, в Западной Германии независимость центрального банка была гарантирована уже в 1950 г., тогда как в Великобритании — только в 80-х годах. (См. также главу о Новой Зеландии.)

² Такие ограничения необходимы также для существования сильных институтов ускорения роста.

мировать, а еще труднее сохранить, даже в странах с устоявшейся конституционной демократией.

Теперь рассмотрим институты ускорения, т.е. те части институциональной системы страны, которые формируют концентрацию системных сил развития, иначе говоря, те, что отвечают за то, находится ли (опуская периоды шоков) экономика в состоянии стагнации или же развивается, а если развивается, то какими темпами (стрелка 3). То, какие виды институтов охватывает это определение, является фундаментальным эмпирическим вопросом, который мы подробно рассмотрим во второй главе нашей книги.

Отсылая читателей к этой главе, мы уже здесь отметим, что самые главные из этих институтов:

- структура прав собственности, зависящая от того, допускает ли законодательство страны частное предпринимательство, а также от масштабов регулятивных и налоговых ограничений экономической свободы;
- уровень защиты прав собственности; стоит ли государственная власть на страже этих прав (а также на страже жизни и здоровья граждан) или представляет для них опасность;
- степень конкуренции между производителями, зависящая от структуры и уровня защиты прав собственности и от масштабов протекционизма;
- фискальная позиция государства в экономике, определяемая как отношение бюджетных расходов и — в конечном счете — налогов, а также фискального дефицита к ВВП.

Отсутствие системного роста экономики можно объяснить функционированием в определенных странах и в определенных периоды описанных во второй главе институциональных систем, сдерживающих тот рост, который происходит на базе инноваций. Само по себе это, конечно, не объясняет, почему такие системы повсеместно функционировали в последние два века на Западе и почему в наше время они так распространены в других частях мира.

В свою очередь, запуск экономического роста, опирающегося на инновации (и, как правило, дополнительно — на специфические механизмы роста), чаще всего требовал опре-

деленных реформ, поскольку в истории практически каждой страны можно найти разные по продолжительности эпизоды господства какой-нибудь системы, направленной против экономического развития. Но насколько отсутствие систематического развития является результатом стабильности систем, направленных против экономического развития, настолько запуск такого развития связывается с дестабилизацией или, иначе, — с реформами, устраняющими институциональные барьеры развития и заменяющими их такими ключевыми институциональными факторами, которые делают возможными постоянные инновации. Стрелка 7 на рис. 1.1 обозначает зависимость наличия или отсутствия этих реформ от разных сил, чем занимается политическая экономия реформ и — шире — исследование динамики институтов. К этому вопросу мы обратимся во второй главе.

Исследуя зависимость между институтами ускорения роста и темпами экономического роста, следует сосредоточить внимание не столько на их статусе (т.е. на каком-то их среднем, начальном или конечном состоянии в рамках исследуемого периода), сколько — там, где они менялись, на последствиях их изменчивости, которая охватывает реализацию программ определенных реформ. Последующие главы книги покажут, что они имели большое значение для экономической динамики в исследованных странах.